

ХРИСТОС

С Т Ы С Я Ч Ь Ю Л И Ц

историческое расследование

книга 2

Юлия Латынина

Юлия Леонидовна Латынина

Христос с тысячью лиц

Серия «Историческое расследование Юлии Латыниной»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48484653
Христос с тысячью лиц: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101544-2

Аннотация

Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Латыниной Юлией Леонидовной, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

«Великолепная книга, которая, безусловно, станет бестселлером». – Александр Невзоров

Продолжение нашумевшей книги «Иисус. Историческое расследование»! Еще больше неожиданных фактов и смелых теорий.

Юлия Латынина продолжает вести свое историческое расследование, на этот раз реконструируя личности ближайших соратников Иисуса Христа. Книга превращает безликие статические фигуры апостолов – Иоанна, Филиппа, Павла – в живых людей, со своими необыкновенными биографиями и

яростными несовместимыми теологиями. Фигура Иуды Фомы, претендовавшего на звание духовного близнеца Христа и проповедовавшего за Евфратом, переворачивает традиционное представление о христианстве как о вере, развивавшейся в пределах Римской империи. А фигура Иоанна Крестителя – религиозно-политического лидера невероятного авторитета и мощи – принципиально меняет представления о времени и причине возникновения гностицизма.

Едва ли не каждый адепт раннего христианства мог видеть и знать своего Христа, что привело к искажению его идей. Юлия Латынина ставит перед читателями новые и крайне актуальные вопросы: чему именно учил настоящий Мессия и почему его апостолы так быстро стали переделывать его учение?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Находка в Наг-Хаммади	30
От Кодекса Брюса к Оксиринху	35
Гностический подход к миру	40
Глава 2. Апостол Фома	47
Евангелие от Фомы	47
Протоевангелие от Фомы и Иаков Праведник	50
Арамейский оригинал	68
Место написания: Эдесса	76
Жизнь и необыкновенные приключения апостола Иуды Фомы	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86
Комментарии	

Юлия Латынина

Христос с тысячью лиц

© Юлия Латынина, 2019

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

* * *

«Ты услышишь, что я страдал, но я не страдал».

«Деяния Иоанна», 101, 6

«Они его не убили и не распяли, им лишь показалось».

Коран, Сура 4, 157.

«Какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, ведь ее не было!»

Молю тебя, скажи, не было?»

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Вступление

Книга «Иисус с тысячью лиц» является продолжением книги «Иисус: историческое расследование», и первоначально обе книги составляли одну – попытку биографии исторического Иисуса и истории его ранних последователей.

В первой книге мы попытались показать, что проповедь Иисуса ничем не отличалась от проповедей других иудейских фанатиков того времени и, более того, что он возглавлял их значительную часть и принадлежал к целому роду Мессий из дома Давидова, которые сменяли друг друга в руководстве движением.

Первый тезис – тезис о том, что исторический Иисус не был пророком мира, прощения и любви, – не является сколько-нибудь новым по крайней мере со времени Роберта Айслера и Самуэля Брендона. Второй, о значительности Иисуса, – встречается гораздо реже, но с ним можно ознакомиться, к примеру, в фундаментальном исследовании Роберта Эйзенмана «Иаков, брат Иисуса».

В результате вторая книга оказалась посвящена ответу на следующий простой вопрос: почему же тогда последователи Иисуса победили? В мире была масса мегаломаньяков, обещавших своим последователям власть над миром, – от какого-нибудь буржского разбойника, объявившего себя Христом в 591 г. н. э., до живого бога Млимо, который во время

второй войны англичан с матабеле хвалился, что умеет превращать пули белых в воду и снаряды их – в скорлупки от орехов. Мистиков, разбойников и террористов, чье окружение считало их богами, в человеческой истории было предостаточно, – но ни одному из этих прекрасных людей не удалось стать основателями мировой религии.

Как же это удалось Иисусу?

В результате ответа на этот вопрос «Иисус с тысячью лиц» – несколько неожиданно для автора – оказался посвящен, почти полностью, гностическим христианствам.

«Гнозис» по-гречески означает «знание».

Слово «знание» – «гнозис» по-гречески, «мандай» (מַנְדַּיָּ) – «мада» (מַדָּה) или «яда» (עַדָּה) на иврите – было одним из ключевых слов в революционном словаре раннего иудейского миллениаризма. При этом всегда имелось в виду тайное знание. Знание о боге. Знание, позволяющее человеку стать бессмертным и даже богом.

Это слово было очень популярно в Кумране. Именно «знание... спрятанное от собрания плоти» (IQS XI, 6) позволяло членам кумранской секты подниматься на небо и «вступить в совет чистых богов (элим) и всех, кто владеет вечным знанием» (4Q286 Fr.7ai). Гнозис был целью жизни загадочной египетской секты терапевтов, «совершенствовавших знание» в уединенных монастырионах^[1]. А потомки почитателей Иоанна Предтечи, и сейчас обитающие в песках Ирака, до сих пор называются «мандеями», то есть в переводе с

арамейского на греческий – «гностиками».

Был *гнозис* ключевым термином и для ранних грекоговорящих христиан. Именно *гнозис* обещал Иисус своим ученикам в Евангелии от Иоанна, и именно обладателем *гнозиса* называл он себя сам.

«Отче праведный! и мир Тебя не *познал*; а Я *познал* (ἐγνων) Тебя, и сии *познали*, что Ты послал Меня» (Ин. 17:25). «И я дал им *знать* имя Твое, и буду давать им *знать* (γνωρίσω)» (Ин. 17:26).

Ученики апостола Павла, так же как и обитатели Кумрана, обладали *знанием* (γνωσις) (1Кор. 8:1) и росли в *познании* (ἐπίγνωσις) Бога (Кол. 3:10). Именно познание истины обещало послание к Евреям (Евр. 10:26). Тексты, написанные от имени апостола Петра, рекомендовали мужам жить с женами «*по гнозису*» (1 Петра 3:7) и показать в «добродетели – *гнозис* и в *гнозисе* – воздержание» (2 Петра 1:5–6).

Однако в 180-х гг. н. э. – то есть значительно позже, чем были написаны все эти канонические тексты Нового Завета – один из отцов церкви и епископ Лиона Иринея написал текст, который так и назывался, «Обличение и Опровержение Лжеименного Гнозиса», он же: «Против ересей».

Слово «гнозис» не случайно соседствовало в этом названии со словом «ересь».

Термин «ересь» до появления христианства не существовал. Существовало греческое слово «эйресис». Но оно обозначало просто «выбор» или «школа, направление».

«Ересь» – это одно из понятий, которые подарил нам христианский новояз.

Дело в том, что глупым язычникам и не приходило в голову, что веровать в бога можно неправильно. Жрецы Зевса Боттея никогда не называли «бешеными псами» жрецов Зевса Кассиоса. А жрицы Афродиты не призывали императоров казнить жрецов Аполлона.

Не так обстояло дело с религией добра и мира, чьи приверженцы обладали абсолютной истиной. В ней то и дело заводились ужасные богохульники, понимавшие истину неправильно, и добрым христианам, любящим своих врагов, постоянно приходилось напоминать этим богомерзким псам, что если они не раскаются, то будут вертеться на сковородах в аду не хуже язычников. «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8), – писал апостол Павел.

Тут надо сделать маленькое отступление и напомнить, что в I–V вв. н. э. общины последователей Иисуса были чрезвычайно разнообразны. Далеко не все эти последователи принадлежали к той общине, догматы которой впоследствии и стали государственной религией Римской империи. Более того, далеко не все они назывались христианами! Общины последователей Иисуса отличались и ритуалами, и диетой, и теологией.

Многие из последователей Иисуса строго соблюдали иудейский закон. Они ели только кошерное. В других общи-

нах, наоборот, учили, что можно есть что угодно. Так поступали, например, последователи апостола Павла. «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования» (1 Кор. 10:25).

Был и третий вариант – есть все, кроме мяса, принесенного в жертву языческим богам (а таковым было практически любое мясо, продававшееся на рынке). Победившая церковь придерживалась именно этого варианта. Варианта Павла она не придерживалась, и тем, кто ел идоложертвенное, отцы церкви обещали, что их, как мерзких еретиков, в аду будут жарить на сковородках.

Различались христианские общины по отношению к календарям. У одних, как у евреев, календарь был лунный. У других, как у обитателей Кумрана, – солнечный.

Общины различались ритуалом причастия. Некоторые общины причащались кровью и плотью Христовой, то есть вином и хлебом. Этот вариант восходил, по-видимому, к апостолу Павлу, который заявил, что Христос лично рассказал, что он причастил своих учеников на Тайной вечере именно так (1 Кор. 11:23).

Однако другие братья во Христе об этой встрече Павла и Христа на третьем небе, видимо, не знали, и причащались хлебом и водой – какового еретического заблуждения, разумеется, было достаточно, чтобы обречь их на вечное проклятие.

Более того! Некоторые и хлеба не ели, а питались только

овощами, как, например, община эльхасайтов, в которой родился основатель манихейства, пророк Мани.

А еще некоторые общины считали, что на Тайной вечере вообще не было никакого причастия. Вместо этого Иисус на Тайной вечере научил своих поклонников экстатическому танцу: они вставали в круг и плясали под гностический гимн, который был популярен среди присциллианистов еще в IV в. н. э., за что их и сжигали. (Присциллианисты вообще были первые еретики, которых начали сжигать.)

Общины последователей Иисуса различались по отношению к аскетизму. Они различались по отношению к женщинам и по отношению к добровольным скопцам (некоторые считали самооскопление вершиной аскезы, некоторые осуждали его, как козни Сатаны).

И, конечно, у них было разное отношение к теологии.

Краеугольным камнем учения той общины, к которой принадлежал Ирине́й Лионский, было утверждение о том, что Иисус, сын Бога, принес себя в жертву за грехи человечества. Он физически умер и физически воскрес.

Однако огромное количество последователей Иисуса Мессии вообще не считали, что он умер. Это, собственно, и были те, «кто ложно назывался гностиками»^[2].

Обладатели лжеименного гносиза считали, что Иисус – посланец Настоящего Бога, надмирный дух, никогда не имевший тленной плоти – не умирал и не воскресал. Они не считали, что он пришел искупить первородный грех. Они

считали, что Христос пришел дать людям знание, и это было знание о том, как самим стать богами.

Кроме того, эти еретики считали, что наш, вещный, мир, недостойн спасения. Они не считали, что спасать нужно мир. Они считали, что спастись нужно *от мира*. Они полагали, что люди могут увидеть бога, стать богами, сбросить с себя смертные одежды (то есть плоть) и обратиться в сверкающее эфирное тело ангела. «Ты увидел Христа – ты стал Христом», – учили гностики^[3].

Некоторые из них считали, что Христос – всемирный дух – просто принял облик человека. Некоторые, наоборот, считали, что он надел на себя тело человека Иисуса, как рубашку, и что он также может войти в тела самих гностиков.

Эта позиция резко противоречила позиции победившей церкви, согласно которой Иисус Христос пришел во плоти, воскресение было процессом вполне физическим, а будущее Царство Божие имело своей составляющей вполне осязаемое материальное изобилие.

«Кто говорит, что нет ни Воскресения, ни Суда, тот первенец Сатаны», – сурово предупреждал в 160-х гг. епископ Смирны Поликарп^[4].

Это невероятное разнообразие общин, веровавших в Иисуса, создает перед нами совершенно очевидную сложность. Начиная с XIX в. н. э. в классической библеистике было принято то, что можно назвать теорией «маленького ручейка». Согласно этой теории, Иисус Христос был нико-

му не известный проповедник мира и любви, распятый по ошибке римлянами в переполненной религиозными террористами провинции Иудея.

Смерть его прошла совершенно незамеченной, но с течением времени маленький ручеек добра и любви, который он проповедовал, превратился в могучую реку, которая смела языческую античность со всеми ее богами и статуями в пропасть забвения.

Очевидно, что само это огромное разнообразие общин, веровавших в Иисуса и существовавших как за пределами, так и в пределах империи, противоречит тезису о «незначительном ручейке». «Незначительный ручеек» уже ко II в. н. э. не мог иметь такое количество мутаций.

Кроме того, он ставит под вопрос еще одно часто встречающееся утверждение, а именно, что христианство восторжествовало из-за своего уникального месседжа о Сыне Бога, сошедшем на землю, проповедовавшем любовь и прощение и давшем себя распять за грехи человечества. Ведь далеко не все эти общины исповедовали этот месседж! И если кто и был «маленьким ручейком» на фоне безбрежного еретического океана – так это именно победившая церковь.

Как мы уже сказали, ересей в христианстве было очень много. Можно было сказать, что весь период II–IV вв. отцы церкви провели в непрестанной борьбе с ересями, точно так же, как сталинское НКВД беспрестанно боролось с врагами народа. И точно так же, как в случае с врагами наро-

да, – чем больше церковь с ними боролась, тем больше их становилось.

Ириней Лионский в 180-х гг. насчитал еретиков: Валентина, Птолемея, Коловраса, некоего Марка, от которого пошли маркосиане, Симона Волхва, Менандра, Сатурнина, Василида, Керинфа, Николая, Эбиона, Кердона, Маркиона и Татiana, а также офитов, каинитов и варвеолитов, – итого 17 позиций.

Ипполит Римский спустя полвека насчитал их уже несколько десятков, включая, впрочем, еретиков Аристотеля и Платона. А старательный Епифаний из Саламиса, создавший в V в. н. э. фундаментальный труд под названием «Панарион», то есть «аптечка от ересей», насчитал их уже 80.

Дело выявления ересей осложнялось тем, что сама церковь – тоненький мост спасения, пролегавший над зыбучими безднами ересей, – вынуждена была, мягко говоря, маневрировать.

К примеру, один из основоположников церковной ортодоксии, предшественник Ирины Юстин Мученик был страшно недоволен еретиком Маркионом, который думал, что души являются бессмертными и тотчас после смерти берутся на небо. Юстин даже отказывался считать тех, кто так думает, христианами.

«Если вы встретитесь с такими людьми, которые... не признают воскресения мертвых и думают, что души их тот-

час по смерти берутся на небо, то не считайте их христианами», – предупреждал Юстин^[5]. Как и Иринея, Юстин считал, что Царство Божие будет иметь вполне плотский характер и что мученики будут царствовать «в том же создании, в котором они получили плоды страдания своего и были умерщвлены»^[6].

Однако вместо еретиков иногда приходилось возражать римским префектам, в которых такое описание Царства Божия порождало вполне понятные опасения. И тогда тот же самый Юстин Мученик, который только что отказывался считать христианами тех, кто не верит в физическое воскресение мертвых, вдруг выступал перед императором со вполне гностических позиций. «Когда вы слышите, что мы ожидаем царства, то напрасно полагаете, что мы говорим о каком-либо царстве человеческом», – заверял он^[7].

Хуже того, вовсе не все гностики утверждали, что Царство Божие непременно не от мира сего! К примеру, богохульник Керинт, который жил в конце I в. н.э, как раз утверждал, что Царство Божие именно-таки от мира сего. Физический мир, полагал он, будет преобразен Вторым Пришествием Христа.

Короче говоря, Керинт верил точь-в-точь в то, что было написано в Евангелии от Иоанна в конце I в. н. э. (какое Евангелие, по мнению римского пресвитера Гая, Керинт и написал). И все-таки при этом Керинт был гностик и ужасный еретик, а Евангелие от Иоанна было частью св. Писания.

Прибавьте к этому тот факт, что доктрина самой церкви

непрерывно менялась, и то, что было самой что ни на есть ортодоксией во II в. н. э. – вроде отрицания Юстином Мучеником бессмертия души, – к V могло оказаться совершеннейшей ересью. Верующим, чтобы не попасть в ад, приходилось колебаться с линией партии, а все новым и новым поколениям переписчиков – постоянно редактировать Евангелия, как у Оруэлла в «1984» редактировали задним числом газеты.

Словом, ересь подстерегала верующего везде и всегда, и даже автор, с покоем преданный земле как отец церкви и мученик, мог быть с улюлюканьем предан позору в следующем поколении как злейший еретик. Можно только себе представить, как тяжело это сказывалось на его посмертном существовании: ведь после каждого очередного церковного собора этих бедных людей выгоняли с неба, где они блаженствовали в венцах на престолах, в ад, где и поджаривали их на сковородках.

Нетрудно из всего вышесказанного заметить, что точно определить, что именно есть «гностицизм», очень сложно. Поэтому мы будем коварно использовать это слово в двояком смысле. Во-первых, мы уверенно будем считать «гностическими» все те поздние тексты, которые за «лжеименный гнозис» преследовала сама церковь. В этом смысле мы полностью доверяемся бдительным отцам церкви, безошибочно изобличавшим крамолу в самых потайных местах. Если текст сжигали или запрещали как гностический – значит, мы

и будем считать его таковым.

Во-вторых, мы будем говорить о протогностицизме или «гностических элементах» в тех текстах, написание которых предшествует размежеванию между «ортодоксами» и «гностиками», а иногда даже предшествует самой проповеди Иисуса Христа.

Все те, кого Ириной заклеил как представителей лжеименного гнозиса, действительно жили довольно поздно. Бесстыдный богохульник Маркион, происходивший из Понта, претендовал на пост папы римского в 130-х гг. н. э. Примерно тогда же претендовал на этот же пост презренный ересеучитель Валентин, явившийся в Рим из Александрии. Собственно, проиграв в административной борьбе, они и превратились в еретиков, подобно тому, как превратились в уклонистов Троцкий и Бухарин, проигравшие Сталину.

Наша проблема заключается в том, что и их обличители, выигравшие все в той же административной борьбе, жили не раньше!

Нет сомнения, что представление о том, что воскресший Иисус имел самое настоящее тело, «напитанное кровью, укрепленное костями, пронизанное нервами, переплетенное жилами»^[8], возникло очень рано.

К примеру, в гностических «Деяниях Иоанна» есть такой эпизод.

Любимый ученик Иисуса Иоанн в этом тексте укрывается на Елеонской горе, в то время как на Голгофе распина-

ют Христа. Иоанн, естественно, страдает по этому поводу. Он жалуется на судьбу и рыдает в три ручья. И вот, в тот самый момент, когда Иоанн достигает пика отчаяния, Христос – распинаемый в это самое время на кресте – объявляется рядом с Иоанном.

Христос сообщает своему любимому ученику, что он жив-здоров, а распятие есть просто видимость. «Я не пре-терпел ничего из того, что они говорят», – говорит Иисус (Деян. Ин. 101:1)^[9]. Познав эту великую тайну, Иоанн спускается с горы, радуясь и смеясь и презирая тех глупых людей, которые думали, что Иисуса и вправду распяли.

Несложно заметить, что эти глупые люди как раз и есть протоортодоксы – предшественники Юстина, Иринейя и практически всего современного христианства. Из этого мы можем справедливо заключить, что точка зрения «глупых людей» существовала еще до того, как были написаны полемизирующие с ней «Деяния Иоанна», то есть еще до конца I в. н. э.

Бинго! Ортодоксы существовали раньше!

Но – вот проблема – в «Евангелии от Луки» есть сцена, которая совпадает с вышеописанной с точностью до наоборот. В ней Иисус после распятия является своим ученикам, и они решают, что *видят Духа*.

«Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа» (Лк. 24:37).

Чтобы разубедить глупых учеников, Иисус показывает им

руки и ноги: вот же они, они осязаемые, физические, материальные! А когда апостолы все равно не верят, что он не Дух, Иисус требует печеной рыбки и ест.

Перед нами – та же богословская полемика. Лука полемизирует с теми из учеников Иисуса, которые считают, что видят Духа. Поедание Иисусом печеной рыбки – это сцена, с помощью которой Иисус убеждает апостолов, что он не бесплотный Дух. Духам рыбка не нужна.

Но если Лука полемизирует с той точкой зрения, что Иисус был Дух, – это значит, что она существовала уже во время Луки, писавшего в 80-х гг. н. э.

Более того: она существовала уже при Павле! Апостол столкнулся с ней в лице некоего Аполлоса, который пришел из Александрии и, как нам известно из «Деяний апостолов», «учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново» (Деян. 18:25). Этот Аполлос вдруг стал учить, что воскресения из мертвых вовсе нет! (1 Кор. 15:13) И Павел вынужден был не только опровергнуть его, но и сделать ему большую уступку. Да, конечно, физическое воскресение мертвых будет, но тело человеческое при этом будет изменено: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15: 44). «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15:50–51).

В этом тексте Павла поразительно не только то, что гностик Аполлос, отрицавший физическое воскресение, проповедовал очень рано: в 50-х, а то и 40-х гг. н. в. Поразитель-

но то, что Павел, не будучи гностиком и, более того, отрицая главный пункт учения Аполлоса, использует тем не менее совершенно гностическую терминологию. В частности, он противопоставляет «душевное» и «духовное» в точности так, как будет об этом потом негодовать Иринея^[10].

Читателю может быть не очень понятно, почему, собственно, мелкие различия в догматах вызывали у проповедников мира и любви такую бешеную ненависть. В конце концов, какая разница: приходил ли Христос во плоти или в духе? Мучился ли он физически на кресте или его мучение заключалось в том, что он, трансцендентный дух, спустился в тленный мир низкой материи, подобно Супермену, уроженцу планеты Криптон?

Но дело в том, что из этих догматических различий проистекали важные практические следствия. В частности, просветленные гностики не нуждались в церковной бюрократии для того, чтобы общаться с богом. Они делали это самостоятельно! Они сами становились богами.

Между тем церковь полагала, что воплощением Христа на земле была сама она. «Епископ председательствует на место Бога»^[11], – требовала она. Ясное дело, что гностики, которые не нуждались в епископах для установления междугородней связи с богом, а общались с ним по местной линии, вызывали у церкви жесточайшее раздражение. Ведь эти еретики часто вовсе не имели церковной иерархии, а на собраниях своих, чтобы определить, кому в этот день быть священни-

ком, бросали жребий. И в результате этот жребий выпадал – на кого бы вы могли подумать! – на женщин!

По счастью, после прихода церкви к власти, к методам убеждения кроме слова добавились меч и костер. Уже к V в. епископы по всей империи самоотверженно использовали для борьбы с еретиками те самые войска, которых в это время недоставало на фронте: ведь именно в это время империя гибла под натиском варваров.

В результате с десятками разновидностей христианства, существовавших в империи к IV в. н. э., произошла престранная вещь. Все эти разновидности без помех пережили века жесточайших языческих преследований. И все они были истреблены огнем и мечом после триумфа религии любви и добра.

Полторы тысячи лет внедренной словом, огнем и мечом монополии ортодоксов сделали свое дело. Еще в XIX в. библистика считала победившую церковь носительницей истинного слова Христова, а гностицизм – отклонением от ее единственного верного учения.

Адольф фон Харнак назвал его «острым случаем эллинизации христианства». Другие влиятельные библиисты, например Вильгельм Буссе и Рудольф Бультман, наоборот, считали, что гностицизм обязан своим возникновением индийским и иранским культам. Это была самостоятельная восточная религия, гностический «миф об искупителе», которая повлияла на незамутненное христианство и исказила его.

Однако – как мы постараемся показать и как это все чаще признается в последнее время – гностицизм имеет отчетливо иудейские корни.

Если гностицизм использует какие-нибудь мифологические персоналии, то это исключительно Адам, Ной, Сиф, Энох. Перед нами исключительно иудейская мифология, без малейшей примеси иранской, греческой или индийской.

Если гностицизм и имеет множество Властей и Эонов («родословия бесконечные», как ехидно говорит о них автор Послания к Тимофею (1 Тим. 1:4)), то они являются совершенно статическими эманациями Монады.

Эоны не грешат, не влюбляются, не распутничают, как языческие боги. Они напоминают скорее математические символы, нежели живых существ. Все главные составляющие будущего гностицизма, включая убеждение в возможности человека увидеть бога и стать богом, мы находим уже в Кумране, и именно кумранский мистицизм в конце концов приводит к появлению еврейской мистической литературы Хекалот и Меркава, а после – Каббалы.

И Хекалот, и Меркава, и Каббала – это, по сути, разновидности иудейского гностицизма. Более того, еще одна разновидность этого раннего, арамейскоговорящего гностицизма сохранилась до сих пор в болотах Ирака. Речь идет об уже упоминавшихся мандеях, которые считают настоящим Мессией и посланцем надмирных эонов не Иисуса Христа, а Иоанна Крестителя. Иисуса они считают лже-Мессией ев-

реев.

История мандеев подводит нас к главному герою нашей книги, а именно, к Иоанну Крестителю.

Все четыре канонических Евангелия настаивают на очень странном на первый взгляд обстоятельстве. Они настаивают на том, что у Иисуса был некий предшественник. Они называют этого человека Иоанном Крестителем.

Они настаивают на том, что именно Иоанн крестил Иисуса. Более того, они настаивают, что при этом обряде Иоанн «увидел разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего в Него» (Мк.1:10).

Заметим что это описание имеет отчетливо гностический характер.

Во-первых, Марк сообщает нам, что Иоанн Креститель обладал способностью видеть разверзающиеся небеса и Духа Святого. Это было очень необычное умение для иудейского пророка. Дело в том, что иудейским пророкам было строго-настрого запрещено видеть бога. Они от этого умирали.

Зато процедура *видения* бога – с последующим превращением в бога – была в большом ходу у иудействующих гностиков. «Кто не соблюдает субботы, не увидит Отца» (Фм. 27), – гласит одно из изречений гностического «Евангелия от Фомы». И вот Иоанн у Марка обладает этим самым умением видеть божественное: он видит Духа, сходящего в Иисуса.

Во-вторых, согласно Марку, Иоанн видит, как Дух снисходит в Иисуса. Дух надевает Иисуса на себя, как рубашку.

Утверждение Марка в оригинале опасно близко к «гностической ереси».

История про Иоанна, если подумать, была, скорее, невыгодна христианам. Она утверждала, что был какой-то человек, который крестил Иисуса. Именно этот человек заявил, что видел лично, как в Иисуса сошел Дух Святой, или, точнее, учитывая, что оба персонажа нашей истории говорили на арамейском, Святая Руха. Арамейское «руха» («руах» в иврите), то есть «дух», – женского рода, и во многих гностических системах она, Руха, и считалась матерью Иисуса.

Эта невыгодность заставляет подозревать, что эта история – правда. И что Иоанн Креститель действительно существовал. Более того, из верований мандеев (и не только из них) мы можем подозревать, что между Иоанном и Иисусом, или, точнее, между их учениками, впоследствии начались серьезные разногласия.

Кто был этот таинственный Иоанн Креститель?

У нас есть ответ и на этот вопрос: если верить тексту, известному как «славянский Иосиф», Иоанн Креститель был не кто иной, как тот самый страшный пророк Цадок, которого Иосиф Флавий называет одним из основателей «четвертой секты», секты ассасинов, террористов и убийц, ответственной за Иудейскую войну. Он был не современник, а предшественник Иисуса. Он начал проповедовать за поколение до него и был казнен несколько позже, около 36 г. н. э.

«Славянский Иосиф» – несомненно, крайне токсичный

источник, полный христианских интерполяций и вообще бог знает какого мусора. Его надо использовать с большой осторожностью.

Мы постараемся показать, однако, что в этом вопросе ему можно доверять. И что текст, отождествляющий Иоанна Крестителя и основателя фанатичной «четвертой секты», не мог быть фантазией христианского переписчика по той простой причине, что для любого верующего христианина такое отождествление было самым страшным поклепом, который только можно возвести на Иоанна, и самой ужаснейшей ересью, которую можно было сказать об основании христианства.

Какое отношение фигура Иоанна Крестителя имеет к возникновению гностицизма?

Самое прямое. Как мы постараемся показать, пророк Иоханан, который крестил людей в Иордане и питался, если верить «славянскому Иосифу», только тем, чем питались Адам и Ева в раю, проповедовал от имени хорошо известного персонажа – а именно, праотца Еноха, седьмого сына Адама и Евы, взятого, согласно Бытию, живьем к Богу на небо (Быт. 5:24).

Отрывки целых пяти книг Еноха обнаружены в Кумране, в то время как в нем не найдено ни одного отрывка из книг основателя секты праведников. Мы постараемся показать, что кумранский мистицизм был не просто абстрактным набором мистических рецептов для ассасинов, желающих при

жизни подняться на небо и войти в Совет Богов.

Он был основан на конкретном жизненном опыте его основателя – человека, который утверждал, что он был праотцем Енохом, прапраправнуком Адама в седьмом колене. Он был взят живьем на небо, увидел Бога, превратился в результате его лицезрения в ангела и вернулся обратно на землю перед концом времен.

В основополагающей книге цикла Еноха – книге Стражей – праотец Енох, взятый живьем на небо, возвращается на землю по повелению Господа, чтобы произнести проклятие Господа Стражам – падшим ангелам, которые спустились на землю, развратили ее и совокупились с дочерьми человеческими. Эти Стражи, а потом их сыновья, Великаны, пытаются подкупить Еноха и переманить его на свою сторону. Они просят его заступиться за них перед Господом. Но Енох вместо этого прокликает их.

Мы постараемся показать, что история Еноха, перед которым безуспешно заискивают сыны Божии, – это метафорическое изображение совершенно конкретной истории. А именно – попыток сыновей Ирода заискивать перед пророком, который говорит от имени вернувшегося на землю Еноха.

Мы постараемся показать, что мифический «енохианский иудаизм», который так любят исследователи, – это не абстрактное направление в иудаизме, не сферический конь в вакууме, который существовал где-то в вечности, то ли в V,

то ли во II в. до н. э.

Это совершенно конкретная военно-прикладная теология, которая начала развиваться в кругах ревностных иудеев после позорного конца династии Маккавеев, в качестве ответа на многочисленные и неудачные восстания против римлян.

Эта военно-прикладная теология начала обещать своим приверженцам не *физическое воскресение*, как это было в ранних разновидностях иудейского миллениаризма, а *освобождение души, родственницы Бога, от тела*. Эта военно-прикладная теология начала обещать не материальные богатства, а попадание в Рай.

Эта теология уничтожала одну из главных несущих конструкций иудейского монотеизма: великую китайскую стену между Богом и человеком. Она утверждала, что душа есть родственница Бога. Что человек способен подняться на небо, увидеть бога, сбросить с себя прежнюю одежду (т. е. физическое тело) и облечься в одежды славы – то есть в сияющее тело ангелов.

Она утверждала, что павшие шахиды попадают на небо и становятся там ангелами (Енох. 19:139/104:4)¹. Что они

¹ Книга Еноха цитируется, как правило, по единственному российскому переводу А. В. Смирнова, выполненному в 1888 г. Перевод Смирнова выполнен с эфиопской книги Еноха, впервые опубликованной в начале XIX в. Для своего времени он был замечательного качества. С тех пор, однако, нам стало известно значительно больше вариантов текста, и в случае разночтений автор оставляет за собой право пользоваться текстом: George W. E. Nickelsburg and James C.

вступают в Небесное Воинство (Енох. 19:140/104:6). И что они сияют при этом, как небесные светила (Енох. 19:137/104:2).

И она утверждала это от имени человека, который все это проделал, – от имени вернувшегося с небес Еноха.

Именно этот человек – он же Иоанн Креститель – он же реформатор иудейского миллениаризма Цадок – стал основателем совершенно революционного (во всех смыслах) бренда мистицизма, невиданного до той поры ни среди язычников, ни среди монотеистов.

Он и его последователи создали концепцию нового, небесного Рая. Рая у престола Бога, где собираются шахиды, причисленные к богам (*элим*), где они созерцают Бога и сами становятся святыми и богами, где они садятся на своих небесных тронах и надевают свои венцы. И к этому Раю, естественно, прилагался Ад – где мучаются все те, кто не примкнули к числу шахидов.

Цадок/Иоанн/Енох переосмыслил или отверг все догмы ортодоксального иудаизма (или, точнее, переразвил их на основе древних, домонотеистических иудейских верований). Он обещал, что человек в результате познания может стать

VanderKam. 1 Enoch: The Hermeneia Translation. Fortress Press, Minneapolis, 2012. На сегодняшний день это наиболее точный перевод, учитывающий все варианты и разночтения. Кроме того, в русском и западном переводах приняты разные разбиения: перевод Смирнова разбит на 20 главок, западный – на 107. Для удобства читателя автор указывает оба варианта нумерации, сначала русский, потом западный.

Богом.

С его времени обещание Рая стало неотъемлемым для фанатичных сект – от ассасинов до нынешних исламистов, которые надеются получить своих 72 девственниц.

Тот факт, что он сделал это для решения чрезвычайно практической проблемы – для объяснения постоянных неудач секты милленаристов-фанатиков, – не отменяет красоты и дерзости этого поразительного мистического построения.

Иоанн Креститель создал религию, которая учила, что человек, путем познания, может стать Богом. «Ты увидел Христа – ты стал Христом».

Это утверждение и было сущностью гностицизма. Оно появилось на свет несколько раньше Иисуса. Оно было приметой бесчисленного количества разновидностей христианств, и оно в конце концов было отвергнуто победившей церковью как слишком опасное, потому что, с точки зрения церковной бюрократии, новым воплощением Христа был не индивидуум, а сама бюрократия: церковь и ее епископы. «Почитайте епископа, как Иисуса Христа»^[12].

Именно отождествление Иоанна Крестителя и автора книг Еноха (даже больше, чем отождествление Иоанна и Цадока) является самым спорным – и вместе с тем самым важным местом данной книги. В какой-то мере всю эту книгу можно рассматривать как вступление к ее последней главе.

Глава 1. Находка в Наг-Хаммади

В декабре 1945 года недалеко от утеса под названием Джабал-ал-Тариф, в трехстах милях от Каира и в сорока милях к северу от Долины Царей несколько египетских феллахов копали *сабах* – местную почву, используемую крестьянами как удобрение. Феллахов было семеро, и родом они были из крошечной деревушки аль-Каср, находившейся, в свою очередь, по ту сторону Нила от самой крупной деревни района, Наг-Хаммади. Главного среди феллахов звали Мохаммед Али.

Внезапно кирка младшего брата Мохаммеда Али за что-то задела. Вскоре феллахи выворотили из земли древний скелет. Они продолжили копать и выкопали изрядный глиняный кувшин в полметра высотой, с крышкой, запечатанной битумом.

Как было хорошо известно любому египетскому феллаху, в таких кувшинах обыкновенно были запечатаны джинны. Поэтому Мохаммед Али не стал поначалу открывать кувшин. Потом, однако, ему пришло в голову, что вместо джинна в кувшине может быть золото. Жадность победила осторожность, и феллахи разможили кувшин мотыгами.

Золота в кувшине не обнаружилось, и это был минус. С другой стороны, там не обнаружилось и джинна, что, несомненно, было плюсом. Вместо золота в кувшине нашлась уйма старинных книг. Это были кодексы, а не свитки – с па-

пирусными листьями и твердыми кожаными обложками. Мухаммед Али начал делить книги и даже порвал одну напополам, чтобы всем было поровну, но никто из его товарищей не выразил интереса к находке, и в конце концов Мухаммед Али забрал все книги с собой. Вечером того же дня его старая мать пустила несколько листов на растопку.

Во время, на которое пришлась эта находка, Мухаммед Али жил непростой и насыщенной событиями жизнью. Дело в том, что за полгода до этого отец Али, состоявший сторожем при германском импортном оборудовании, застрелил лезшего на склад вора, а на следующий день родственники вора застрелили отца Али. Поэтому Мухаммед Али был занят мстью больше, чем книгами, тем более что он все равно не умел читать.

Через месяц после находки ему сообщили, что убийца его отца спит в поле рядом с кувшином, полным сахарной патоки. Мухаммед Али и братья поспешили по указанному адресу и убили обидчика теми же заступами, которыми они разбили кувшин с рукописями. После этого они отрубили ему руки и ноги, разворотили грудь, вытащили еще теплое сердце и съели, как того требовали обычаи кровной мести, – по крайней мере, так сам Мухаммед Али рассказывал впоследствии одному из главных исследователей рукописей из Наг-Хаммади, Джеймсу Робинсону. Конечно, он, может быть, и привирал, но согласитесь: если бы он привирал, он бы рассказал, скорее, о том, что они сошлись с обидчиком в жесто-

ком поединке. Кто же будет хвастать, что убил спящего?

Так или иначе, убитый был сыном местного начальника полиции, и Мухаммед Али боялся, что их дом будут обыскивать. Поэтому он отдал кодексы на сохранение местному коптскому священнику. К тому же Мохаммед Али навел справки и заподозрил, что книги могут представлять какую-то ценность. К этому времени книг оставалось двенадцать штук, плюс листы тринадцатой, разорванные и засунутые между остальными. Сколько книг пошло на растопку, сказать сложно.

Зять священника – его звали Рагиб – был местным учителем. Избежавшие феллахской печки книги были в прекрасной сохранности, но они были на древнем коптском языке, и прочесть их, конечно, никто не мог. Рагиб забрал одну из книг и поехал с ней в Каир, чтобы ее продать. Предприятие Рагиба оказалось не очень успешным – египетские власти услышали о его затее и отобрали книги. Одиннадцать книг и разорванные страницы двенадцатой они передали на хранение в Коптский музей в Каире.

Последняя, тринадцатая книга, была вывезена из Египта и вскоре была предложена на продажу в США. Среди людей, узнавших о предложении, был профессор Жиль Киспель, историк религии из университета Утрехта, в Нидерландах. По его совету кодекс был приобретен Фондом Юнга, однако, когда Киспель начал с ним работать, он сразу заметил, что нескольких страниц в книге недостает. Зная, что остальные

книги из Наг-Хаммади переданы в Коптский музей, профессор Киспель спешно вылетел в Каир, надеясь разыскать там недостающие страницы.

Сразу после прилета он отправился в Коптский музей и был несколько шокирован условиями, в которых содержатся манускрипты. По сути, музей представлял собой одну небольшую запыленную комнату. Часть текстов к этому времени уже была перефотографирована. Киспель забрал фотокопии, поспешил в отель и занялся их расшифровкой. Первая же фотокопия начиналась со слов:

«Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал его близнец Иуда Фома. Тот, кто обретет истолкование этих слов, не вкусит смерти».

Это было гностическое «Евангелие от Фомы». Всего тринадцать кодексов Наг-Хаммади содержали пятьдесят два гностических текста. Некоторые из них дублировали друг друга, и всего оригинальных текстов было сорок шесть.

Это было почти в полтора раза больше, чем текстов в Новом Завете².

² История находки в Наг-Хаммади сама послужила предметом увлекательного расследования одного из ее главнейших исследователей Джеймса Робинсона, изложившего свои детективные изыскания в James M. Robinson. Nag Hammadi: The First Fifty Years, Institute for Antiquity and Christianity, 1995. М-р Робинсон даже уговорил Мухаммеда Али вернуться на место его открытия. Для этого ему пришлось уговорить сына убитого: «Я должен был поехать в Хамра-Дум, найти там сына Ахмада Исмаила, человека, которого зарубил Мохаммед Али, и получить от него заверение в том, что, поскольку он уже стрелял по похоронной процессии семьи Мухаммеда Али, ранив самого Али и убив члена его клана, он

считает инцидент исчерпанным. Тем самым соображения чести освободят его от необходимости напасть на Мухаммеда Али, ежели он вернется к подножию утеса. Я принес эти добрые вести самому Мухаммеду Али, который в ответ растегнул рубаху, продемонстрировал мне шрам на груди и похвастался, что он был ранен, но не убит, и заявил, что ежели он когда-либо увидит сына Ахмада Исмаила снова, то он порешит его на месте. После демонстрации этого хвастливого бесстрашия его удалось убедить приехать к утесу, неузнаваемого в моей одежде, в правительственном джипе, со мной на стороне, откуда могли прилететь пули из деревни, и с ним на безопасной, глядящей в сторону утеса стороне, на заходе солнца во время Рамадана, когда все мусульмане сидят дома и насыщаются после длительного поста в течение всего дня». В последнее время появилось много статей, критикующих расследование Робинсона за неполиткорректность и «предвзятое колониальное отношение». Г-н Робинсон рассказывает, что арабы занимаются кровной мезтью и не понимают ценности древних книг: стало быть, это неправда! (См., например: Nicola Denzey, Justine Blount. Rethinking the Origins of the Nag Hammadi Codices. JBL 133, no. 2 (2014): pp. 399–419.)

От Кодекса Брюса к Оксиринху

О том, кто такие гностики, было давно и прекрасно известно. Это были проклятые еретики, приверженцы «пропасти бессмыслия»^[13], «неистовства и безумия»^[14], «лишенные разума и полные богохульства»^[15], вылупившиеся, «как скорпионы из неоплодотворенного змеиного яйца или как василиски из осы»^[16].

Иринеи Лионский около 180 г. посвятил им свой пяти-томный труд «Против ересей»; спустя двадцать лет пламенный Тертуллиан громил их суетные и постыдные вымыслы в сочинении «Против валентиниан», а Епифаний из Саламиса в своем «Панарионе», сиречь «аптечке от ересей», сравнивал болезнь гностицизма с ядовитым змеем. Кроме чудовищного богохульства, гностики – если верить их противникам – вели исключительно предосудительный образ жизни.

Гностики-борбориты ели нерожденных младенцев, вырвав их из чрева матерей, забеременевших во время их дьявольских оргий. Причащались они менструальной кровью и мужским семенем^[17]. Гностики-карпократы, посланные Сатаной к поруганию божественного имени церкви, «делали все те действия... о которых нам не только не следует говорить и слушать, но даже помышлять и верить, чтобы такие дела водились между нашими согражданами»^[18].

Юстин Мученик по этому поводу даже просил императо-

ра Антонина Пия казнить этих проклятых еретиков. Так как Юстин Мученик писал в середине II в., когда церковь еще не имела возможности диктовать императорам, Антонин Пий оставил его предложение без рассмотрения.

После того как христианство стало государственной религией, кампания по дискредитации этого «многоголового чудовища, подобного лернейской гидре»^[19], сменилась планомерной кампанией по уничтожению. Цензура, продолжавшаяся в течение полутора тысяч лет, была столь успешной, что до XX в. историки церкви могли ознакомиться с порочным богохульством исключительно в изложении Иринея и Епифания, точно так же, как советские студенты могли ознакомиться с ретроградными теориями буржуазных экономистов исключительно в изложении профессоров-марксистов.

Первый оригинальный гностический манускрипт был обнаружен в 1769 г., когда неутомимый шотландский авантюрист Джеймс Брюс, тот самый, который обнаружил истоки Голубого Нила и привез, спустя тысячу лет, в Европу книгу Еноха, приобрел по пути в Эфиопию в Луксоре старинный кодекс, разрозненные страницы которого содержали четыре гностических текста. Уровень интереса к порочному богохульству в это время был настолько низок, что кодекс Брюса был переведен и опубликован только в 1892 г.

В 1773 г. Энтони Эскью, врач и собиратель старинных книг, купил еще один гностический манускрипт прямо в Лондонской антикварной лавке.

В 1886 г. французские археологи, раскапывая гробницу в Верхнем Египте, в которой в VII–VIII вв. был похоронен христианский монах, нашли вместе с ним старинный сборник, составленный из отрывков ортодоксальных и гностических текстов. В 1896 г. немецкий египтолог Карл Рейнхардт купил в Каире превосходно сохранившийся манускрипт, известный теперь как Берлинский Гностический Кодекс.

Египетский климат обладает одним уникальным свойством. В пустыне, в отсутствие воды, древние рукописи и даже клочки рукописей могут храниться необыкновенно долго. Этим воспользовались выпускники Оксфорда Бернанд Гренфелл и Артур Хант, которые в 1896 г. начали копать мусорные кучи города Оксирина, расположенного в Верхнем Египте. Город был построен на канале, который соединял Нил с Фаюмским оазисом. В римские времена Оксирина был третьим по величине городом Египта и столицей 19-го нома, но после арабского завоевания канал пересох, и город исчез с лица земли.

А мусорные кучи остались.

Гренфелл и Хант надеялись, что мусорные кучи Оксирина содержат исчезнувшие сокровища греческой литературы. Надо сказать, что, в общем, они обманулись в мечтах: книга в древности была вещь дорогая и не попадала на помойку, не превратившись в совершенный лоскут. Мусорные кучи Оксирина, конечно, принесли нам отрывки неизвестных комедий Менандра и массу других интересных вещей, но нельзя

сказать, чтобы они совершили переворот в филологии.

Зато они принесли одну поразительную неожиданность. В мусорных кучах Оксиринах нашлось, естественно, довольно много отрывков из христианских текстов, и в том числе отрывки из текстов Нового Завета. Среди них, к примеру, были три отрывка из «Деяний апостолов», два из Луки, десять из Иоанна и тринадцать из Матфея. Нашлось там по три копии «Послания к Евреям» и Апокалипсиса. «Евангелия от Марка» в мусоре не нашлось^[20].

Отрывков из гностического «Евангелия от Фомы» – какое Евангелие, собственно, до этого совершенно не было известно – в мусорных кучах Оксиринах нашлось три штуки. Разумеется, когда мы оперируем такими малыми числами, статистическая погрешность может быть очень велика.

Но все-таки.

Оксиринах был оставлен в VII в., то есть через 300 с лишним лет после того, как альтернативные разновидности христианства стали подвергаться гонениям. К тому же гностики ничего не имели против канонических Евангелий, особенно Матфея и Иоанна. Они читали их так же охотно, как и ортодоксы. Эта церковь не признавала тексты гностиков.

И вот, если верить мусорным кучам Оксиринах, то оказалось, что даже через четыреста лет после начала гонений гностическое Евангелие от Фомы пользовалось в Оксиринах такой же популярностью, как «Деяния апостолов», «Послание к Евреям» и «Откровение Иоанна Богослова», и бы-

ло популярней Луки и Марка! Получается, что еще в начале IV в. в Египте гностиков вряд ли было меньше, чем ортодоксов!

Гностический подход к миру

Если попытаться изложить суть развитого гностицизма как подхода к миру в двух словах, то получится вот что.

Современное христианство – это религия, которая исповедует Богочеловека. Гностицизм – это религия, которая исповедует *Богочеловеков*.

Для современного христианина – любого: католика, православного, протестанта – Иисус – это богочеловек. Он имеет две природы – божественную и человеческую, у него была настоящая плоть, он по-настоящему страдал на кресте и дал себя по-настоящему распять, чтобы искупить первородный грех.

Для гностика Иисус – это Бог. Это предвечный дух, который просто принял образ человека. А вот кто является богочеловеком, так это сам гностик. Бог вошел в него и даровал ему безграничные возможности творить чудеса и быть бессмертным.

Иисус Христос в гностицизме – это полностью божественный Спаситель, посланец настоящего Бога, явившийся в наш тленный мир. А акт Спасения заключается в познании, *гнозисе*. Познавший Бога не просто преодолевает границы этого мира – он становится Богом, а Бог становится им. «Иисус сказал: Тот, кто напился из моих уст, станет, как я. А я стану им, и тайное откроется ему» (Фм. 108)^[21].

Кроме этого гностики часто (но не все!) считали, что наш мир – обитель зла. Мир находится всецело в ведении злого Бога – Велиала, Ильдабаофа, Сакласа, Сатаны. Настоящий бог находится вне мира. Он безграничен, неизмерим и неопишуем. Он является воплощением абсолютного Добра. Он не имеет никакого отношения к миру материи. Но так как творцом человека является именно он, то в человеке скрыта часть божественного огня, которая не имеет отношения к этому миру, и чтобы разбудить эту часть, Настоящий Бог послал в этот мир своего Сына – Иисуса Христа.

Некоторые (но опять же далеко не все!) разновидности гностицизма заходили так далеко, что отождествляли этого злого Бога с самим Яхве, то есть с богом евреев и Ветхого Завета.

Так или иначе, гностицизм чрезвычайно удачно решал вопрос о позорной казни Иисуса Христа.

Никакой позорной казни не было, потому что посланца надмирных эонов нельзя казнить. Это все равно, что попытаться распять солнечный зайчик. Иисус Христос был предвечный дух, который просто принял образ человека.

Если и был человек-Иисус, то он был просто сосудом, в который был налит этот дух, и плащом, который дух надел на себя. Дух вошел в Иисуса-человека при крещении и оставил его на кресте, и именно поэтому Иисус-человек закричал: «Боже, Боже мой, почему ты меня оставил» (Мк. 15:34).

Этот надмирный дух потом входил в тела самих гности-

ков, которые, как и Иисус, становились единосущны Богу, творили чудеса и получали возможность победить Сатану и смерть.

Как следствие, никакая казнь Иисуса никого не спасала. Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы искупить первородный грех. Он пришел в мир для того, чтобы дать людям настоящее знание, *гнозис*.

Греческий язык, как и язык туземцев-нави в фильме «Аватар», различал два вида знания: логическое *знание* и интуитивное *ведение, постижение, познание*. «Я знаю Пушкина» – в том смысле, что я знаю, что есть такой Александр Сергеевич Пушкин, и, может быть, даже вчера заходил к нему на чай, и «Я знаю Пушкина» в том смысле, что я постиг его и его поэзию. *Гнозис* – это именно постижение.

Одной из самых поразительных черт гностицизма было это его убеждение во всемогуществе человека. Человек, получивший истинное знание, мог стать даже выше глупого и ограниченного бога этого мира, Сатаны, Сакласа, Ильдабаофа.

«Ищите Бога в себе, – писал гностик Моноймус. – Познай-те того, кто внутри вас»^[22]. «Ты увидел Дух – ты стал Духом. Ты увидел Христа – ты стал Христом»^[23]. Тот, кто получил имя Отца, и Сына, и Святого Духа, «стал не христианином, а Христом», заявляет «Евангелие от Филиппа»^[24].

«То, что в наиглубочайшем – и есть Плерома, и глубже ничего нет. И это то, что и называют наивышним», – про-

должает оно^[25]. В «Тайной книге Иакова» Иисус требует *превзойти* его: «Сделайтесь лучше меня: станьте как сыны Духа Святаго»^[26].

Вместо того, чтобы говорить о грехе и раскаянии, Иисус гностицизма говорит об иллюзорности вещного мира и просветлении. По удачному выражению Барта Эрмана, он приходит не для того, чтобы спасти этот мир, а для того, чтобы спасти человечество *от* этого мира^[27].

Воскресение для гностиков – это не одноразовый процесс, пережитый Иисусом Христом. Это ежесекундный опыт, необходимый избранному для освобождения от этого тленного мира. Царство Небесное – это не событие будущего. «Это реальность, частью которой каждый может стать здесь и сейчас»^[28].

«Те, кто говорит, что умрут сначала и воскреснут, – заблуждаются. Если не получают воскресения, будучи еще живыми, то когда умрут, не получают ничего»^[29].

Обладатели лжеименного гнозиса не только не умеют воскрешать мертвых, – ябедничал на них Ириной Лионский (на что, по его мнению, была способна возглавляемая им община, и тому было множество доказательств), – «но и совершенно не веруют в возможность этого, *почитая воскресением из мертвых познание возвещаемой ими истины*»^[30].

Гностицизм предполагал живой мистический контакт с Богом, и каждое откровение, полученное в результате этого контакта, значило ничуть не меньше, если не больше, чем

прижизненные поучения Иисуса. Каждый гностик был сам себе апостол и сам себе Евангелие.

Как следствие, точно пересказать гностическое учение невозможно, потому что одного гностического учения не было в принципе. Гностицизм не существовал *per se*. Существовали гностицизмы: кому чего бог открыл, тот то и цитировал. Одни гностики отождествляли Сатану и Яхве, другие, наоборот, противопоставляли их.

Одни гностики считали, что Иисус был реальный человек, плоть которого надел на себя надмирный дух, а другие – что Иисус был лишь иллюзорная видимость. Одним гностикам бог открыл, что небес – семь, и они это доподлинно знали из собственного мистического опыта, а другие так же доподлинно знали, что небес – восемь, девять или даже десять.

Кроме этого гностики полагали, что знание, как спастись от этого мира, доступно не всем. Люди для гностиков делились на три сорта – язычники, хоики, которые были совсем уже безнадежны; обычные христиане, которых они называли людьми «душевными» (психиками); и, наконец, избранные, люди «духовные» (пневматики). Спасение было доступно и для психиков, но вот познание – только для пневматиков.

Некоторые разновидности гностицизма считали пневматиков потомками Сифа – третьего, после Каина и Авеля, сына Адама, родившегося взамен убитого Авеля (Быт. 4:25).

Для них Сиф был единственным человеком, которому передалась искра божественного огня. А все остальные люди,

темные и непросвещенные души, были потомками нехорошего Каина, которому искра не передалась. Эта деталь интересная и нетривиальная, и мы еще к ней вернемся. Ведь, согласно книге Бытия, единственным человеком, выжившим после Всемирного Потопа, был Ной. При этом Ной был потомком Сифа (Быт. 5:29).

Так или иначе, собственно гностические тексты были нередко написаны заумным языком, рассчитанным на избранных. К тому же многие гностики проповедовали разные системы для разных уровней посвящения. Для пневматиков – одну систему, а для добрых, но ограниченных психиков – другую, попроще, адаптированную к их скромным возможностям. Эта система позволяла соглашаться с упрощенной версией бога, только что и доступной ограниченным психикам, и требовать от психиков вместо совершенного *гнозиса* всего лишь добрых дел.

Итак, зрелый грекоговорящий гностицизм, который единственный и был долго известен в пересказах отцов церкви, слагался из трех составляющих:

- Из убеждения, что материальный мир находится во власти Сатаны.
- Из убеждения, что настоящий, надмирный Бог послал в него Спасителя, Христа, чтобы дать людям знание.
- Из уверенности в том, что, кто познает эту истину, сам станет Христом.

Плоть человека принадлежит к этому вещному миру, но

дух его несет в себе частицу божественного огня. Иисус Христос явился в мир, чтобы освободить божественный огонь, заключенный в людях. Тот, кто познает его учение, сам станет Иисусом, и Иисус станет им. Они станут духовными близнецами.

Текст, который мы сейчас называем «Евангелие от Фомы», правильнее было бы называть «Евангелие от Близнеца», потому что «фома» на арамейском – на языке, на котором разговаривал Иисус, – и значит «близнец». По-гречески «близнец» – «дидим». Евангелие от дидима Иуды Фомы – это Евангелие от близнеца Иуды Близнеца, полной духовной копии и нового воплощения Иисуса.

Глава 2. Апостол Фома

Евангелие от Фомы

По форме «Евангелие от Фомы» разительно непохоже на четыре канонических Евангелия. Все эти четыре Евангелия описывают *жизнь* Христа. Кульминационным моментом в них являются суд и распятие.

Но для гностиков земная жизнь Христа не имела никакого значения. Христос был дух, вошедший в тело человека по имени Иисус при крещении и покинувший его на кресте. Жизнь человека, чье тело было одето на Христе, представляла для гностиков не больше интереса, чем биография джинсов или рубашки.

Единственное, что интересовало гностиков, было учение Христа, и «Евангелие от Фомы» состоит из 114 изречений, которые сказал Иисус живой и которые записал Иуда-близнец. «Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти» (Фм. 1).

Часть изречений от Фомы известна нам по Марку, Луке, Матфею и Иоанну.

«Если слепой ведет слепого, оба падают в яму» (Фм. 34; Мф. 15:14), – говорит Иисус. «Нет пророка в своем селе-нии» (Фм. 31; Мф. 13:57; Мк. 6:4; Лк. 4:24; Ин, 4:44). «Бла-

гословенны нищие, ибо их есть Царствие Божие» (Фм. 54; ср. Мф. 5:3; Лк. 6:20). Царствие Божие «подобно зерну горчичному, самому малому среди всех семян. Когда же оно падает на возделанную землю, оно дает большую ветвь и становится укрытием для птиц небесных» (Фм. 20; Мф. 13:31–32; Мк. 4:30–32; Лк. 13:18–19).

Однако другая часть нам неизвестна совершенно. К примеру, Иисус говорит:

«То, что вы имеете в себе, спасет вас, если вы родите это в себе. То, что вы не имеете в себе, убьет вас, если вы не имеете это в себе» (Фм. 70).

«Это небо прейдет, и то, что над ним, прейдет, и те, которые мертвы, не живы, и те, которые живы, не умрут. В те дни, когда вы ели мертвое, вы делали его живым. Когда вы окажетесь в свете, что вы будете делать? В тот день, когда вы были одно, вы стали двое. Но когда вы станете двое, что будет с вами?» (Фм. 11).

«Ученики его сказали: В какой день ты явишься нам и в какой день мы увидим тебя? Иисус сказал: Когда вы обнажитесь и не застыдитесь и возьмете ваши одежды, положите их у ваших ног, подобно малым детям, растопчете их, тогда вы увидите Сына Живаго, и вы не будете бояться» (Фм. 37).

Это – совершенно необычные для Иисуса тексты. Это – коаны. Такие коаны мог бы произнести даос или учитель дзен-буддизма.

«Я нашел всех пьяными, и никого – жаждущим», – гово-

рит Иисус (Фм. 28).

«Иисус сказал: Будьте прохожими» (Фм. 42).

«Иисус сказал: Тот, кто познал мир, нашел труп, и тот, кто нашел труп, – мир недостоин его» (Фм. 56).

«Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы – дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы – бедность» (Фм. 2:4–5).

Иисус сказал: «Блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят тот человек, которого съест лев, и лев станет человеком» (Фм. 7).

«Иисус сказал: Тот, кто напился из моих уст, станет, как я. А я стану им, и тайное откроется ему» (Фм. 108). «Тот, кто нашел самого себя, – мир недостоин его» (Фм. 111:3).

Произносил или нет исторический Иисус эти фразы – сказать сложно. В конце концов, мы не должны забывать, что, согласно «Евангелию от Фомы», каждый, познавший Иисуса, становился его Фомой. Каждый близнец мог добавлять свои изречения в Евангелие от близнеца.

Протоевангелие от Фомы и Иаков Праведник

Все это очень интересно, – скажете вы, – и «Евангелие от Фомы» представляет из себя прелестный образчик поздних гностических коанов, в котором подлинные изречения Иисуса перемешаны с изречениями других «Христов». Но при чем тут исторический Иисус и раннее христианство?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к еще одной группе изречений из «Евангелия от Фомы», которые совершенно точно восходят к самой ранней общине последователей Иисуса, но при этом *не сохранились в канонических Евангелиях*.

Единственной канонической книгой, которая повествует о судьбе учеников Иисуса после его казни, являются «Деяния апостолов». В них сообщается, что вскоре после казни Иисуса, в день Пятидесятницы, на всех апостолов с неба спустился Святой Дух в виде огненных языков (Деян. 2:1–4). Таким образом, если верить «Деяниям апостолов», в церкви сразу после смерти Иисуса возобладало коллективное самоуправление. Все апостолы были равны и все равно были исполнены Святого Духа.

Однако «Евангелие от Фомы» полагает, что дело обстояло совсем по-другому. Если верить ему, после смерти Иисуса в общине не было никакой демократии. Абсолютную власть

над ней получил физический брат Иисуса Иаков Праведник.

«Ученики сказали Иисусу: Мы знаем, что ты скоро оставишь нас. Кто станет нашим вождем? Иисус сказал им: где бы вы ни были, идите к Иакову Праведнику, для которого были созданы Небо и Земля» (Фм. 12).

Это изречение может показаться читателю Нового Завета очень странным. Ведь единственное, что мы знаем из Нового Завета о родственниках Иисуса, – это то, что они не понимали его. В нем даже сообщается, что когда эти родственники услышали, что Иисус совершает чудеса, то они попытались схватить его. Они решили, что он сошел с ума! (Мк. 3:21). Это, согласитесь, чрезвычайно плохая рекомендация. Родственник, который пытается сдать провидца в желтый дом, вряд ли достоин быть его преемником.

Поэтому, чтобы понять своеобразие этого изречения и целую огромную историю, которая скрывается за ним, мы вынуждены сделать довольно серьезное отступление. Эта история более полно рассказана в книге «Иисус. Историческое расследование», здесь же мы ограничимся ее кратким пересказом для тех, кто не читал первой книги, или читал, да плохо запомнил: в нашем современном мире все не упоминай.

Неосведомленность большинства современных христиан о роли, которую играл в движении Иисуса его физический брат Иаков Праведник, – не случайна. Можно без преувеличения сказать, что тексты, вошедшие в Новый Завет, пресле-

довали одну цель: вычеркнуть Иакова, брата Иисуса, из истории христианства, так же как Краткий курс ВКП(б) Иосифа Сталина преследовал цель вычеркнуть Троцкого из истории Октябрьской революции.

Церковь даже объявила, что Иисус родился от девственницы. Согласитесь, это заявление разрешало вопрос с Иаковом Праведником раз и навсегда. Иаков был не брат Иисусу. Они были даже не родственники! Это было очень изящное теологическое решение, густо замешанное на перипетиях межфракционной христианской борьбы.

Тем не менее Иаков, брат Иисуса, сохранился в других текстах: в частности, в текстах историка Гегесиппа, которого цитирует Евсевий Кесарийский, у Епифания из Саламиса и бл. Иеронима.

Согласно этим текстам Иаков Праведник, брат Иисуса, руководил Иерусалимской церковью в течение тридцати лет. Он не пил вина, не ел мяса, носил только льняную одежду (т. е. одежду жреца) и претендовал на статус *первосвященника иудеев*.

Уже из одного того факта, что Иаков претендовал на статус первосвященника, видно, что он строжайше соблюдал иудейский закон. Более того, его прозвище, Праведник, было абсолютно знаковым. Цадоком, то есть Праведником, звали, согласно Иосифу Флавию, основателя страшной «четвертой секты» зилотов и сикариев, виновников Иудейской войны³.

³ Напомним, что в иврите, как и во всех семитских языках, носителем смысла

А самое слово *праведники* (цадиким) являлось одним из самоназваний как членов кумранской общины, так и ранних христиан. Еще одно их важнейшее общее самоназвание было *святые*.

Об Иакове Праведнике знает и Иосиф Флавий. В «Иудейских древностях» он сообщает, что Иакова Праведника, «брата Иисуса, называемого Христом», казнили по настоянию первосвященника Анании около 62 г. н. э. – то есть через тридцать с лишним лет после казни Иисуса и за 4 года до начала Иудейской войны.

Иосиф Флавий сообщает, что этот поступок Анании так напугал «лучших и усерднейших бывших в городе законовевдов», что они поспешили откреститься от него. Сразу за казнью Иакова началась новая вспышка террора со стороны сикариев, первой жертвой которой стал сын первосвященника Анании – сикарии его украли.

Сведения, сообщаемые Иосифом об Иакове Праведнике, является трехбуквенный корень, состоящий из одних согласных. Гласные подставляются в этот корень по мере грамматической надобности. Корень ЦДК имеет значение «справедливости», «праведности», «правосудия». «Цедака» – это справедливость или правосудие, а также милостыня. Праведник – это, строго говоря, «цадик». А «Цадок» – это имя первосвященника царя Соломона, потомки которого до времени Маккавеев одни и имели право становиться первосвященниками. Дело также осложняется тем, что прозвище основателя «четвертой секты» Цадока дошло к нам только через греческий, где буквы «ц» нет, и поэтому в греческом тексте Флавия оно имеет вид «Садок». Таким образом, прозвище основателя «четвертой секты» Цадок было бы логично перевести на русский каким-нибудь чуть косо звучащим словечком, например «Справедливец» или «Праведнец».

чрезвычайно плохо согласуются с изобретенной во времена Просвещения теорией «маленького ручейка». Из них следует, что Иаков Праведник был важнейшей частью теологически-политического ландшафта в Иерусалиме. Его казнь вызвала панику элиты и оживление сикариев. Они также показывают, что Иаков Праведник соблюдал иудейский Закон и был не в курсе, что его брат приходил его отменить.

Читатель, конечно, может усомниться: может, эти сведения не принадлежали Флавию? Может быть, христиане кое-что вписали в этот рассказ? Ответ такой: что они кое-что из него вычеркнули. Они вычеркнули фразу, которую неосторожно цитируют сразу несколько ортодоксов, включая Оригена и Евсевия Кесарийского. Эта фраза утверждала, что Иудейская война случилась в возмездие за смерть Иакова Праведника.

Как известно, Иудейскую войну начали зилоты. И единственный, за смерть кого они могли мстить – был их вождь. Фраза, связывающая Иакова Праведника и Иудейскую войну, совершенно несовместима с историей о никому не известном проповеднике любви и мира по имени Иисус, смерть которого прошла незамеченной современниками.

Еще одна причина, по которой человек, в течение тридцати лет возглавлявший последователей Иисуса, был вычеркнут из Нового Завета, заключается в его острейшем конфликте с другим известным раннехристианским персонажем, который, в отличие от Иакова Праведника, наверняка

хорошо знаком читателю. Этот человек в истории остался, да еще как! Просвещенная библеистика XIX в. называла его «вторым основателем христианства». Это не кто иной, как апостол Павел.

По иронии судьбы именно Павел, чьи подлинные письма являются самой ранней по времени частью Нового Завета, является сейчас единственным человеком, который упоминает в Новом Завете Иакова, брата Иисуса, по имени. Он делает это в «Послании к Галатам».

В этом тексте, написанном, заметим, еще при жизни Иакова, Павел сообщает, что, когда он был в Иерусалиме, он виделся там только с двумя людьми: с апостолом Петром и с «Иаковом, братом Господним» (Гал. 1.19).

Встреча эта вряд ли была приятной. Дело в том, что немного позже в том же послании апостол Павел сообщает, что между ним и Петром в Антиохии случилась размолвка по вопросу о необходимости соблюдения иудейского закона – то есть необходимости субботы, обрезания и кашрута, – и главным двигателем этой размолвки был именно Иаков.

«Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками. А когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных» (Гал. 2: 11–12).

Картина, которая предстает перед нами, вполне наглядна. Иаков, брат Господень, бессменный руководитель общины

на протяжении тридцати лет, и апостол Петр, прижизненный ученик Иисуса, который, худо-бедно, слышал взгляды Иисуса из его собственных уст, считали, что *праведники* и *святые* обязаны соблюдать иудейский закон. А апостол Павел – то есть человек, который Иисуса никогда живьем не видел и, более того, состоял, согласно «Деяниям апостолов», в числе его преследователей – утверждал, что Иисус пришел закон отменить. В качестве пруф-текста он ссылаясь на свое собственное собеседование с Иисусом на третьем небе.

Это все равно, как если бы среди последователей Карла Маркса образовался человек, который учил любви к капиталистам, а в качестве обоснования ссылаясь бы не на «Капитал» Маркса, а на свои посмертные с ним встречи в видениях.

Мы можем себе представить, что аутентичные марксисты были бы недовольны. Более того, они могли бы заподозрить нашего инноватора в том, что он намеренно вносит раскол в ряды движения и состоит на содержании буржуазных властей. Они бы наверняка отлучили такого человека от движения и, не исключено, попытались бы его подстрелить.

И действительно, «Деяния апостолов» утверждают, что Павел подвергался преследованиям почти повсюду, куда он заходил. При чем это не были преследования властей. Это были преследования евреев. Эти евреи в греческом оригинале «Деяний» называются не просто евреями, а *ревнителями*, или *зилотами*. Именно *зилотами* Иосиф Флавий называет

фанатиков, развязавших иудейскую войну.

«Деяния» сообщают, что именно исполнившиеся *ревностью* (ζήλος) иудеи выгнали Павла из Антиохии Писидии (Деян. 13:45). Ревность их пылала так горячо, что они не поленились пройти за Павлом полтораста километров до города Листры, нагнали, избили камнями «и вытащили за город, почитая его умершим» (Деян. 14:19). Фессалоникийские иудеи *возревновали* (ζηλώω) против Павла и чуть не взяли штурмом дом, где он скрывался (Деян. 17:5).

Но самая большая неприятность случилась с Павлом в Иерусалиме. Там науськанная кем-то толпа чуть не линчевала его у входа в храм, крича, что он осквернил святое место сие; а потом, когда римские войска отбили Павла у разгоряченной толпы, сорок каких-то мрачных иудейских террористов дали клятву «ни пить, ни есть», пока они не убьют Павла прямо во время судебного заседания, так что римскому тысяченачальнику, спасшему жизнь Павла, пришлось принять экстраординарные меры. Он собрал конвой в двести пеших, семьдесят конных и двести стрелков и направил его под этой беспримерной охраной в Кесарию к прокуратору Феликсу.

Кто же натравил на Павла людей возле храма и кто руководил фанатиками, давшими клятву «ни пить, ни есть», – фанатиками, в которых трудно заподозрить представителей официальных властей?

О личности этого человека можно догадаться из того, что, согласно «Деяниям», Павел, едва прибыв в Иерусалим, от-

правился на поклон к некому Иакову (статуса Иакова автор «Деяний» не указывает). Этот Иаков попенял Павлу на то, что тот не соблюдает Торы, показал на других верующих в Иисуса и сказал:

«Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они *зилоты* (ζηλωτής)» (Деян. 21: 20).

Несложно заподозрить, что евреи, преследовавшие Павла по всем городам Римской империи, были не просто евреи, а именно что *зилоты* и что руководителем их был тот самый Иаков Праведник, месть за смерть которого и послужила причиной Иудейской войны.

Месседжи последователей Иакова и месседжи последователей Павла были прямо противоположны друг другу. Иаков считал, что его брат пришел, чтобы исполнить Закон. Он пришел, чтобы раздавить язычников железной пятой и обеспечить избранным из числа евреев господство над всем миром.

Павел учил, что Иисус пришел, чтобы отменить закон. Он учил, что Иисус пришел, чтобы спасти язычников, а не для того, чтобы их уничтожить.

Неприятие Павла аутентичными последователями Иисуса было настолько велико, что немецкий протестантский библеист и основатель Тюбингенской школы Кристиан Фердинанд Баур еще в XIX в. н. э. выдвинул гипотезу, что Павел дошел до нас в двух видах, в двух алломорфных модификациях.

В одной христианской традиции он известен как апостол Павел, апостол к язычникам, а в другой традиции, восходящей к тем самым «зилотам», – как ужасный *гоис* (т. е. колдун, шарлатан) и мерзкий богоотступник Симон Волхв.

Одним из ярких документов, представляющих эту другую традицию, является группа текстов под названием «Псевдоклиментины». «Псевдоклиментины» рассказывают об организации ранней церкви совсем другую историю, нежели «Деяния апостолов». Ни про какое коллективное руководство и Духа Святого, снизошедшего на всех апостолов, они не знают.

Вместо этого утверждают, что никто не имел права проповедовать Иисуса, *не имея на то письма от Иакова Праведника*, единственного законного главы всей общины. Симон Волхв/Павел такой франшизы, естественно, не имел.

Более того, «Псевдоклиментины» утверждают еще одну важную вещь.

Канонические «Деяния апостолов» начинают свой рассказ о карьере апостола Павла с неких беспорядков, произошедших прямо на ступенях Иерусалимского храма. Согласно «Деяниям» в ходе этих беспорядков Павел участвовал в побиении камнями некоего христианского мученика по имени Стефан, то есть по-гречески «Венец».

«Псевдоклиментины» тоже сообщают нам о крупном мордобое между фракциями сектантов, имевшем место прямо на ступенях храма. Главой одной из фракций и был Си-

мон Волхв. А вот нападал он ни на какого «Венца», а на Иакова Праведника, претендовавшего, напомним, на венец Первосвященника иудеев (по версии *святых и праведников*). В ходе этой теологическо-криминальной разборки Симон Волхв столкнул Иакова со ступеней храма, сломав ему ногу, и после этого Иаков был вынужден бежать в Дамаск, куда Павел за ним и последовал.

Этот маленький эпизод говорит нам о взаимоотношениях Иакова Праведника и апостола Павла куда больше, чем сотня богословских рассуждений. Симон/Павел напал на Иакова, брата Иисуса, прямо у дверей храма, спустил со ступеней и сломал ему ногу!

Вожди тоталитарных сект прощают такое редко, и, если эта история является правдой, она представляет нам действия зилотов, охотившихся на Павла по всем городам империи, совершенно в другом свете.

Это не теология Павла была причиной конфликта между ним и зилотами. Это личный конфликт между Павлом и лидером зилотов был причиной теологических новаций Павла!

Так или иначе, из Нового Завета Иаков Праведник – аскет, фанатик, зилот, первосвященник иудеев, по версии зилотов, абсолютный глава секты последователей Иисуса в течение тридцати лет, человек, чья смерть повергла в панику «усерднейших и лучших законоведов» и привела к Иудейской войне, – был вычеркнут.

А вот в «Евангелии от Фомы» он сохранился!

«Ученики сказали Иисусу: мы знаем, что ты скоро покинешь нас. Кто станет нашим вождем? Иисус сказал им: где бы вы ни находились, идите к Иакову Праведнику, ради которого были сотворены небо и земля» (Фм. 12).

Согласимся, уже одна эта фраза показывает, что первоисточник нашего Евангелия восходит к текстам, не имевшим параллелей в греческом Новом Завете, но представлявшим из себя аутентичную арамейскую традицию.

А вот еще одна любопытная фраза, которую Иисус с большой вероятностью произносил, или, по крайней мере, она приписывалась ему очень давно. Содержится она в изречении #72. В нем Иисус говорит:

«Некто сказал Ему: скажи моим братьям, чтобы они разделили имущество моего отца со мной. Он сказал ему: «Кто поставил меня делящим?» Он повернулся к своим ученикам и сказал им: «Я не делящий, не так ли?» (Фм. 72).

Коллизия, которая описывается в этой фразе, совершенно понятна. Мы должны напомнить, что ранняя христианская община практиковала *общность имущества*. Она также чуралась денег – до такой степени, что даже в канонических Евангелиях Иисус ни разу не берет в руки денег.

И вот представьте себе человека, который проповедует общность имущества и все преимущества коммунизма, и вдруг к нему, как к судье, обращается какой-то незадачливый наследник с просьбой: – нет, не вступить в общину, не отдать свое имущество на общее дело, а с просьбой посодей-

ствовать получению его доли в наследстве! Реакция Иисуса молниеносна. Он пришел не делить, а обобществлять! «Я не делящий, не так ли?»

Почему, однако, мы можем утверждать, что этот ответ дал сам Иисус, или, точнее, что этот ответ приписывался ему очень-очень давно?

Очень просто. Потому что у нас есть соответствующее высказывание из «Евангелия от Луки». И оно, как легко убедиться, неправильное.

«Некто из народа сказал ему: Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство; Он же сказал человеку тому: *кто поставил Меня судить или делить вас?»* (Лк. 12: 13–14).

У Луки смысл фразы Иисуса исказился или был потерян при переводе. Более того, это высказывание теперь попросту бессмысленно. Как это: «кто поставил Меня судить вас»?

Вся христианская доктрина ровно на том и строится, что Иисус есть Судия и что именно он будет вершить Страшный суд, награждая мучеников венцами и престолами и низвергая грешников в геенну огненную. С учетом этой – главной, основной, многократно заявленной – функции Иисуса, – его отказ рассудить тяжущихся о наследстве выглядит совершенно непонятно.

Напротив, изречение #72 бьет прямо в точку. Это изречение лидера коммунистической общины, который пришел не затем, чтобы делить в пользу частных лиц, а затем, чтобы

обобществлять во имя бога.

Более того, у нас есть еще один арамейский текст, переведенный уже на арабский и в таком виде дошедший до нас в составе арабского манускрипта X в. н. э. В этом арамейском тексте Иисус говорит:

«Некто сказал ему: Господин, скажи моему брату, чтобы он поделился (со мной) имуществом отца. Он сказал ему: «Кто поставил меня над вами делящим?»»^[31]

Иначе говоря, мы видим, что изречение #72 «Евангелия от Фомы» снова содержит *неискаженную арамейскую традицию*, отличающуюся от канонической, и именно традицию Фомы в данном случае следует признать аутентичной^[32].

Случай с высказыванием #72 – важный, но не единичный. Возьмем, например, еще один текст Нового Завета: Первое послание апостола Павла к Коринфянам. В нем Павел пишет: «Но, *как написано*: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

Павел цитирует, очевидно, какой-то священный текст: «как написано». Однако ни в Ветхом, ни в Новом Завете ничего подобного нет. Зато аналогичное изречение есть в «Евангелии от Фомы». «Иисус сказал: я дам вам то, что не видел глаз и не слышало ухо, чего не касалась рука и что не приходило на сердце человеку» (Фм. 17)^[33].

Из этого мы можем вывести, что уже в 50-х гг. н. э. существовал не дошедший до нас сборник изречений Иисуса,

из которого цитирует Павел. Некоторые изречения из этого сборника не вошли в канонические Евангелия. Но они вошли в «Евангелие от Фомы». И, более того, по крайней мере, приведенное выше изречение имело отчетливо протогностический характер.

А вот еще несколько других ранних изречений Фомы:

«Если не будете соблюдать субботу, не *увидите* Отца» (Фм. 27).

«Фарисеи и книжники взяли ключи от *знания* и спрятали их. Они не вошли сами и не пустили тех, кто хотел войти» (Фм. 39).

В этих двух изречениях поразительно то, что они совмещают совершенно отчетливый иудаизм с отчетливым же гностицизмом. Иисус не просто призывает соблюдать субботу. Он сообщает, что без этого нельзя *увидеть Бога*. Ортодоксальный иудаизм видеть Бога запрещал. Иисус не просто порицает фарисеев. Он сообщает, что они спрятали *ключи от гнозиса*.

Ортодоксы впоследствии уверяли, что гностицизм был поздней и неправильной ветвью на великом стволе христианства. Но эти изречения очень ранние. Они сложены еще тогда, когда их автор (кто-то из последователей Иисуса или даже сам Иисус) еще соблюдал субботу и полемизировал с фарисеями, – и они говорят о ключах от *знания* и лицезрения Бога!

А вот еще одно раннее и протогностическое высказыва-

ние из «Евангелия от Фомы». «Те, кто ищет, не должен прекращать искать, пока не найдет. Когда найдут, будут смущены. Когда они будут смущены, они изумятся и будут править всем» (Фм. 2).

Почему мы можем считать его ранним?

Дело в том, что очень похожее высказывание Иисуса цитирует Климент Александрийский^[34]. Он нашел его в «Евангелии от Евреев». Это Евангелие, не дошедшее до нас целиком, было написано теми учениками Иисуса, которые строго соблюдали иудейский закон и признавали ведущую роль Иакова Праведника.

Но самая важная деталь, которая подтверждает древность источника, лежащего в основе «Евангелия от Фомы», находится на самой поверхности. Она просто бьет в глаза.

Эта деталь – не что иное, как полное имя апостола. Его звали Иуда Фома, то есть Иуда Близнец. Иуда – это имя, Фома – прозвище.

Почему это важно?

Потому что точно так же, как нигде в «Деяниях апостолов» не упоминается о лидирующей роли Иакова Праведника, точно так же нигде в канонических Евангелиях не упоминается о том, что апостола Фому на самом деле звали Иуда.

Авторы канонических Евангелий вообще часто манипулируют именами апостолов.

К примеру, Марк называет апостола Симона Симоном Кананитом (Мк. 3:18). В переводе с арамейского Симон Ка-

нанит будет Симон Ревнитель, то есть Симон Зилот. Марк, уповающий на то, что его грекоязычный читатель незнаком с арамейским, предпочитает оставить грозную кличку без перевода.

Точно так же Матфей проговаривается, что прозвище апостола Петра (он же Симон) было Симон Бариона (Σίμων Βαριωνᾶ) (Мф. 16:17), то есть Симон Террорист. Словом *бирьона* Талмуд называет тех же людей, которых Флавий называет словом *зилот*.

Во всех канонических Евангелиях апостол Иуда Фома фигурирует просто как Фома (Мк. 3:18. Ин. 11:16; 14:5; 20: 24–29). Это имя стало очень популярным в Европе. С момента победы христианства в мире появилась масса Томасов, Томми, Томов и даже Томасин. Однако это имя не было настоящим именем апостола! Его имя было Иуда, а Близнаец было просто его арамейским прозвищем.

Почему ортодоксальное христианство очень рано превратило прозвище апостола – «Близнаец» – в его имя собственное?

Мы можем предположить, что по крайней мере одной из причин было то, что это прозвище само по себе носило гностический характер. Ведь Близнацом апостола прозвали еще при жизни.

И это значит, что – если не считать невероятного поистине предположения о том, что у Иисуса Христа был брат-близнец, – человек по имени Иуда еще в 30–40 гг. н. э. пре-

тендовал на то, что Христос был его духовным близнецом, его небесным двойником. Его вторым «я», сошедшим в Иуду так же, как до этого Христос сошел в человека по имени Иисус.

Сам факт наличия у Иисуса «духовного близнеца» еще в 40 гг. н.э. явно противоречил утверждению о том, что гностицизм был поздней ересью.

И хотя Евангелие от Фомы в своем нынешнем виде написано не ранее 140-х гг., его первоисточник, как мы видим, отражает традиции, такие же ранние и даже раньше Марка, Матфея и Иоанна^[35]. Это независимый от канонических Евангелий источник. «Иногда этот источник превосходит их»^[36].

Согласитесь, это очень неожиданно. Мы привыкли считать, что ужасный и проклятый гностицизм является поздней ересью. Он является искажением слов Христа.

Но гностическое «Евангелие от Фомы» сохраняет для нас некоторые очень ранние тексты, утраченные в Новом Завете. Эти тексты в оригинале принадлежали людям, которые соблюдали иудейский закон и считали Иакова Праведника главой всех верующих. Они принадлежали людям, которые считали человека по имени Иуда духовным близнецом, а не предателем Иисуса. И эти тексты уже носят явственно гностический душок.

Арамейский оригинал

Почему «Евангелие от Фомы» так разительно отличается от канонических Евангелий?

На это есть много ответов, но один из них необыкновенно прост.

Дело в том, что оригинал этого Евангелия был написан на арамейском. Оно дошло до нас в переводе на коптский и, отчасти, на греческом, но оригинал его был написан на арамейском языке.

Почему это важно?

Дело в том, что в истории христианства есть одна очевидная и невероятная загадка. Все тексты, которые вошли в Новый Завет, были написаны по-гречески.

Чтобы понять необычность этого, посмотрим на языковую карту античного мира.

Мы увидим, что греческий язык был языком всей восточной части Римской империи. Он был *lingua franca* в Египте, на Кипре, в Ионии, в Антиохии, в Тире, то есть во всех землях, которые до этого входили в состав эллинистических царств. В том числе на греческом говорили и жившие в них евреи, а евреев там жило предостаточно.

Однако в самой Иудее и Галилее на греческом не говорили. Там греческий был языком захватчиков, которые в 63 г. до н. э. уничтожили свободу Иудеи и осквернили Храм.

Иудеи с этими людьми не общались, и следы этого сохранились в Евангелиях, где Иисус называет греков псами (Мк. 7:27) и говорит апостолам, чтобы они не входили в город эллинский (Мф. 10:5), то есть в те города на территории расчлененной римлянами Иудеи, которые были населены язычниками и которым было представлено право полисного самоуправления.

На иврите в Иудее к этому времени, однако, тоже не говорили. Там говорили на арамейском – другом *lingua franca* Древнего Востока. Это был официальный язык другой империи, почившей в бозе, а именно – Вавилонской. На нем (точнее, на его несколько различных диалектах) говорили также на огромных пространствах к востоку от римской границы, по всей Месопотамии.

И Иисус, и его апостолы, очевидно, проповедовали на арамейском. Даже если кто-то из них умел говорить на пиджин-греческом, их аудитория этого языка не знала и не доверяла ему. Иисус, проповедующий галилейским крестьянам на греческом, произвел бы такое же нелепое впечатление, что и ведущий новостей Fox News, который вдруг начал бы читать эти новости по-французски.

Кроме того, греческие тексты, вошедшие в Новый Завет, были написаны достаточно поздно. Самое первое из Евангелий – «Евангелие от Марка» – было написано после конца Иудейской войны, то есть не ранее 70 г. н. э. Письма апостола Павла были написаны раньше, но все равно не раньше 40–

50 гг. н. э.

Согласитесь, это очень странно, что Иисус проповедовал на арамейском, а его канонические биографии оказались написаны на греческом. Это все равно как если бы единственные биографии Карла Маркса, которые до нас дошли, оказались бы написаны на русском.

Естественно, возникал вопрос: куда делись те книги, которые написали аутентичные последователи Иисуса, которые должны были быть написаны на арамейском и которые были написаны раньше канонических Евангелий?

Классическая библеистика для ответа на этот вопрос строила разные сложные теории, которые сводились к тому, что таких книг не существовало. Последователи Иисуса были неграмотные рыбаки, и они передавали весть о нем из уст в уста, пока Марк не сочинил в 70-х гг. н. э. первое Евангелие.

Об этих теориях проще всего сказать, что они неверны. Книги на арамейском были. Мы только что видели, что в очень раннем тексте, написанном в 50-х гг. н. э., апостол Павел цитирует некое письменное высказывание Иисуса. «Но, *как написано*: не видел того глаз, не слышало ухо» (1 Кор. 2:9).

Это *написанное* ко времени Павла высказывание Иисуса дошло до нас в составе арамейского Евангелия и не дошло до нас в составе греческих Евангелий.

Почему арамейский первоисточник так важен?

Возьмем одно из высказываний Фомы. «Иисус сказал: Если те, кто ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно – в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас» (Фм. 3:1–3).

Оно известно нам на двух языках – на коптском и греческом. Совсем недавно, в 2004 г., Николас Перрин попытался сравнить эти два перевода между собой, чтобы понять, как они звучали в оригинале. Это такой своеобразный метод лингвистической триангуляции.

Николас Перрин заметил два интересных момента. Он предположил, что слово, которое обычно переводят как «ведущие» или «тащущие», в оригинале звучало как *реберим*. Это слово куда более многозначно – оно может быть переведено и как «те, кто ведут по пути», и как «те, кто с пути сбивают», то есть ведут, но не туда^[37]. Перед нами слово, опасно близкое к понятию «прельстителя» и «обманщика», – терминамв, которые Тора употребляет относительно тех, кто неправильно учит и заводит народ в бездну нечестия.

Что же до слова «море», то, согласно Перрину, в арамейском оригинале стояло слово «техома» (на иврите – техом), то есть бездна.

«Бездна» – слово, невероятно сакрально нагруженное в иврите. Именно над бездной летал Дух Божий в гл. 1 Бытия. И в дономотеистическом оригинале текста это была, вероят-

но, не просто бездна. Это было морское чудовище.

Техом – это языковой родственник того самого чудовища, которого в Вавилоне звали Тиамат и которое разрубил Бог, создавая мир.

Этот дуализм, Небеса вверху, Техом (бездна) внизу, долго сохранялся в иудаизме. К примеру, в книге Бытия 49, благословляя Иосифа, Иаков дарует ему «Благословение Небес сверху, благословение Техом, ярящейся внизу» (Быт. 49:25).

«Иисус сказал: Если *реберим* говорят вам: Смотрите, царствие в небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно – в *техом*, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас» (Фм. 3:1–3)^[38].

Общий смысл нашей фразы сохранился. Все понятно. Иисус говорит, что Царство Божие не от мира сего. Но в этом общем смысле прибавились очень важные обертоны. Это теперь не абстрактная фраза. Это фраза иудейского рабби. Пара небо – бездна, *шамаим* – *техом*, прямо отсылает к благословию Иакова. А те, кто это говорят, – это не просто «тащущие вас», «ведущие вас», это «сбивающие вас с правильного пути».

Все?

Нет, не все.

Давайте задумаемся – кто был автор этого высказывания?

Совершенно точно – не сам Иисус. Мы имеем все основания полагать, что для исторического Иисуса Царство Божие было физическим и военным триумфом самого Иисуса. И

дело тут не только в реликтовых фразах, сохранившихся в Евангелиях, вроде знаменитого обещания «ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель» (Марк 10:30).

Дело тут прежде всего в самих действиях Иисуса. Он пришел в Иерусалим именно, чтобы воцариться в нем, и его сторонники приветствовали его с криками: «Да здравствует Царь Израиля»: и они никак не предполагали, что эта попытка воцарения Царя Израиля позорно закончится на кресте.

Но, с другой стороны, автором этого высказывания был какой-то очень ранний последователь Иисуса. Тот человек, который еще соблюдал иудейский закон. Он мыслил в категориях иудейского рабби. И он не любил тех вождей, которые обещали материальное Царство Божие. Он называл их неправильными вождями. Он говорил, что они ведут не туда. Из этого следует, что в тот момент, когда он проповедовал, эти вожди уже существовали, и у него с ними были разногласия по земельному вопросу: а именно, кто кого закопает.

Кто был этот человек?

Конечно, про прошествии двух тысяч лет точно сказать сложно, но у нас есть очень хорошая кандидатура.

Этим человеком мог быть сам Иуда Фома. Ученик вождя, который называл себя его Духовным Ближнецом. Который провозгласил себя Ближнецом Иисуса после его смерти. Который считал, что он тоже стал Христом. И который спорил с какими-то прельстителем, считавшими Царство Божие ма-

териальным.

Все? Нет, не все.

Дело в том, что наше высказывание сохранилось в урезанной форме в Евангелии от Луки. Лука рассказывает нам об Иисусе следующее:

«Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 20–21).

Удивительно – но это хорошо знакомое каноническое изречение Иисуса есть на самом деле кратчайшая формулировка гностицизма.

О чем учили гностики? О том, что вещный мир сотворен не настоящим Творцом, а глупым Демиургом, который не знал, что он не творец. Когда этот Демиург попытался вдохнуть в глиняного Адама, сотворенного им, жизнь, это у Демиурга не получилось. На помощь пришел настоящий Творец, который вдохнул в человека часть своего духа. Этим он его и оживил.

Единственная часть, которая есть в этом материальном мире от Царства Божия, – это человеческий дух, часть Бога-Творца. «Царство Божие внутри нас».

«Иисус сказал: Если *реберим* говорят вам: Смотрите, царствие в небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно – в *техом*, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие внутри вас и вне вас» (Фм. 3:1–3).

«Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20–21).

Как нетрудно заметить – Лука позаимствовал и сократил Иуду Фому. Мы легко можем заметить, что текст, упоминавший «небо и бездну», является явно первичным по отношению к невнятному изречению «вот здесь или вот там». Получается, что прототипом утверждения Луки был очень ранний иудео-гностицистский текст, который является квинтэссенцией гностицизма, – и этот текст, обеззаразив его и дезинфицировав, употребляет в пищу протоортодокс Лука.

И это не единственное такое сокращение. Так, у Матфея Иисус говорит по-гречески: «Ищите и обрящете» (Мф. 7:7).

У Фомы он говорит по-арамейски: «Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем» (Фм. 2).

Это высказывание Иисуса опять-таки имелось в написанном по-арамейски «Евангелии от евреев», и из этого мы опять-таки можем предположить (хотя и с меньшей уверенностью), что полный арамейский вариант существовал раньше, чем краткий греческий – и носил при этом, в отличие от греческого, вполне ярко выраженный гностицистский характер.

Но как согласовать этот ранний гностицистский характер с утверждением церкви, что гностицизм был поздней ересью?

Место написания: Эдесса

Где же было написано такое удивительное Евангелие, самый ранний слой которого сочетает явный иудаизм с явным же гностицизмом?

Скорее всего, оно было написано в городе Эдессе, и это обстоятельство является еще более удивительным, нежели его арамейский язык^[39].

Дело в том, что мы привыкли думать о христианстве как о религии, которая распространялась в первую очередь внутри Римской империи. А Эдесса до III в. н. э. находилась за границей этой империи.

Она была столицей маленького Осроенского царства – буферного государства между Римом и Парфией. Крошечная, но стратегически важная Осроена представляла из себя, по сути дела, просто большой оазис в верховьях между Евфратом и Тигром.

Эдесса, основанная Селевкидами, находилась всего в 300 км от столицы римской Сирии – Антиохии. Однако после краха Селевкидов Эдесса быстро обарамеилась, стала тяготеть к Парфии и управлялась местной арабской династией. Члены династии чеканили монеты с изображениями то римских императоров, то парфянских царей и все более и более втягивались в орбиту римской политики, пока наконец не были поглощены – в 216 г. по существу и в 242 г. окон-

чательно – Римом.

В результате последователи Иисуса существовали в Эдессе в совершенно других условиях, нежели в преследовавшей их Римской империи.

В Риме христиане прятались по частным домам, собираясь на богослужение, как на подпольную явку. Никаких христианских храмов в I–II вв. в Риме быть не могло. Напротив, в Эдессе здание церкви, где собирались для богослужения верующие, существовало уже к концу II в. н. э. Мы это знаем из «Эдесской хроники», сообщающей, что в ноябре 201 г. это здание вместе с большей частью города было уничтожено наводнением.

Одним из виднейших эдесских христиан II в. н. э. был человек по имени Бардесан. Этот человек имел в Эдессе совсем другой социальный статус, нежели вольноотпущенники и рабы, которые, вместе с богатыми женщинами, обыкновенно являлись главным объектом христианской вербовки в Риме.

Бардесан был видный парфянский аристократ, великолепный стрелок из лука (умение это считалось необходимым именно среди парфянской знати), товарищ детских игр, а потом ближайший приближенный царя Эдессы Абгара VIII.

В Эдессе никогда не издавались эдикты против христиан. Никакие доноски в ней не сговаривались «уничтожить *святых*», не ждали нужного часа, не входили «в Дом Господень тогда, когда все молятся и восхваляют Господа», и не

схватывали их, как жаловался в начале III в. Ипполит Римский^[40]. В ней не было Нерона, который зашивал христиан в шкуры быков на потеху толпе, Веспасиана, который после разгрома Иудейского восстания приказал предать смерти всех потомком дома Давидова, и Марка Аврелия, по чьим эдиктам «по всей Азии» преследовали и гнали «людей благочестивых»^[41]. Более того, среди эдесских христиан царила упорная легенда, что предок Абгара VIII, Абгар V принял христианство еще в I в. н. э. сразу после смерти Христа!

И даже если не разделять точку зрения автора данной книги о том, что закон, приписывавший предавать христиан смерти, был принят Сенатом еще в 36 г. н. э., под давлением императора Тиберия, то видно, что в Эдессе на эволюцию учения *святых* действовали совсем другие факторы, чем на римское христианство.

Что мы можем еще сказать про «автора» это необыкновенного Евангелия, про апостола Иуду Фому?

Где он жил? Чем он кончил?

Каков был его исторический прототип? Каковы были его отношения с другими апостолами, и прежде всего с Иаковом по прозвищу Праведник, «для которого были сотворены Небо и Земля»?

Что еще мы знаем об апостоле Близнеце?

Не так уж и мало.

Дело в том, что у нас есть целая его биография – «Деяния Фомы». Правда, эта биография написана не раньше начала

Ш в. н. э. – и это плохо^[42]. Зато она написана на том же арамейском языке, что и «Евангелие от Фомы», и, более того, она написана в той же самой Эдессе.

Приступим же к изучению этой увлекательной и необыкновенной биографии, и посмотрим, что мы можем из нее извлечь.

Жизнь и необыкновенные приключения апостола Иуды Фомы

«Деяния Фомы» начинаются с того, что Иисус Христос, явившись после смерти Фоме, «который близнец», посылает его апостолом в Индию. Фома в Индию не хочет, мотивируя это тем, что он – еврей. «Куда бы ты ни послал меня, пошлай, но в Индию я не пойду», – говорит он Иисусу^[43].

Ввиду такого упрямства Фомы Иисус пускается в хитрую стратегию. В это время в Иерусалиме пребывает индийский торговец по имени Аббан. Его прислал царь Гундафор (реальный исторический персонаж, правивший частью Индии в I в. н. э.) с тем, чтобы тот купил ему искусного плотника для строительства дворца.

Иисус – напомним, что дело происходит уже после распятия – лично встречает Аббана на рынке и спрашивает, не купит ли тот раба-плотника? Аббану только того и надо. Иисус продает Аббану Фому за три литры серебра и, лихо распившись в договоре о продаже, сдает ему Фому с рук на руки. Подозрительный Аббан, чтобы не быть обманутым, на всякий случай осведомляется у Фомы, точно ли он раб Иисуса. «Да», – отвечает тот^[44]. Аббан поздравляет себя с выгодной сделкой.

Первым делом на пути к Гундафору Аббан и его новый раб Фома попадают в царский город Андраполис. В городе

царит большое веселье: тамошний царь выдает замуж единственную дочь и приглашает на пир всех путников. Аббан и Фома приходят на пир, чтобы не оскорбить царя пренебрежением к его гостеприимству.

Социальный статус Фомы, напомню, в это время очень низок: он раб и вдобавок иноземец, который говорит на непонятном никому в Индии арамейском языке, и, понятно, что на пиру, на котором собрался весь цвет города, он находится в самом низу пищевой цепочки.

Какой-то виночерпий за недостаточное проворство дает ему пощечину. Фома, в полном соответствии с заветом учителя, призывающим подставить левую щеку, если тебя ударят по правой, говорит виночерпию: «да простит тебя Бог», однако тут же предрекает, что рука, ударившая его, скоро окажется в зубах пса.

Так оно и случается: виночерпий идет за водой, и там его загрызает лев. Собаки бросаются на останки, и одна из них, держа в зубах ударившую апостола руку, вбегает прямо в зал, где идет пир.

Это происшествие приводит гостей в немалое возбуждение, и особо они изумляются тогда, когда девушка-флейтистка, которая, будучи еврейкой, понимала арамейский язык, сообщает им, что раб, сидящий рядом с торговцем Аббаном, «или бог, или апостол бога»: ибо она слышала, как этот человек говорил, что рука, ударившая его, окажется в пасти пса^[45].

Этот случай, естественно, привлекает к Фоме внимание царя, и тот, чтобы заручиться на всякий случай благословением такого важного волшебника, приказывает ему помолиться в брачном покое о счастье новобрачных. Бедный царь еще не знает, какую змеюку он подкладывает дочке в постель.

Фома молится; после этого гостей выпроваживают из брачного чертога. Однако, когда жених приходит в него, «он видит Господа Иисуса в виде Иуды Фомы, который разговаривает с невестой»^[46], что приводит жениха в немалое изумление: ведь он видел, что Фома вместе со всеми другими покинул чертог. Господь разъясняет ему его заблуждение: «Я не Иуда, который также зовется Фома, но его брат», – объясняет он^[47].

После этого Иисус садится на кровать, а жениха и невесту просит занять места на стульях, и разъясняет им необходимость воздерживаться от любого вида плотских связей, с тем, чтобы превратить свое тело в священный храм.

Наутро царь заходит в брачный чертог и видит молодоженов сидящими как ни в чем не бывало. В ответ на его вопрос о произошедшем этой ночью жених и невеста информируют его о своем полном отказе от плотских сношений и желании войти в тот Брачный Чертог, который есть бессмертие и свет.

Символизм этой сцены вполне понятен. Дело в том, что одной из высших гностических церемоний был как раз Брачный Чертог. Так называлась церемония, в ходе которой иска-

тель сочетался со своим астральным двойником, своей Пневмой, нетленной частицей Всевышнего.

«Владыка все делал втайне: Крещение, Миропомазание, Причастие, Искупление и Брачный Чертог», – гласит «Евангелие от Филиппа»^[48]. «Святое – это крещение; святое святого – искупление. Святая святых – это Брачный Чертог»^[49].

Наш бедный царь, однако, в тонкости гностических церемоний не был посвящен и пришел в ужас; грохнувшись на землю и разодрав одежды, он послал скорее за мерзким колдуном, который по злой воле небес прибыл в их город. Однако Фома уже отплыл.

Второй акт нашего приключенческо-теологического романа разворачивается уже при дворе индийского царя Гундафора. Гундафор поручает Фоме строить дворец и в достатке снабжает его деньгами и провизией для рабочих. Фома дворца не строит, а деньги и еду раздает народу, одновременно проповедуя ему Евангелие. Фоме справедливо кажется, что добрым словом и раздачей денег можно привлечь больше душ, чем просто добрым словом.

В конце концов, при таком нетрадиционном подходе к девелопменту деньги на дворец оказываются растрочены. Царь вызывает Фому к себе и получает ответ, что Фома построил царю незримый дворец, который царь не видит при жизни, но узрит после смерти. Как легко можно себе представить, царь оказывается не очень удовлетворен этим ответом и приговаривает Фому к смерти за казнокрадство. Однако в это

время, на счастье Фомы, умирает брат царя по имени Гад. Первое, что он видит, попав на небо, – это тот самый дворец, о котором говорил Фома. Пораженный Гад отпрашивается у ангелов на землю и, ожив, заклинает своего брата подарить ему этот дворец.

После этого царь и его брат принимают «печать», то есть крещение и помазание. Иуда Фома во время крещения призывает Христа, Всевышнего, милосердную мать и мать «семи домов, чтобы они могли упокоиться в восьмом доме»^[50].

При этом имеется важная теологическая тонкость. После того, как царь и его брат принимают крещение водой, они *слышат* голос Бога, но не видят его, поскольку они еще не помазаны. А вот после того, как они принимают помазание, они *видят* юношу с факелом, свет которого затмевает любой другой свет.

Всякие «Деяния апостолов», которых до нас дошло довольно много, были построены по принципу сериала. Если первый сезон умел успех, то все новые и новые авторы писали все новые и новые серии.

В «Деяниях Фомы» таких сезонов довольно много, и во всех них Фома, как и подобает близнецу Христа, совершает чудеса: изгоняет бесов и воскрешает мертвых, заставляет проповедовать ослов и светится неземным светом – то есть еще при жизни его лицо сияет, как лицо Моисея или Еноха, увидевших Бога.

В одном эпизоде он даже убивает Сына Сатаны. Этот сын – тот самый змей, который соблазнил Еву, велел Каину убить Авеля, и это он ожесточил сердце фараона против египтян и соблазнил евреев в пустыне сделать золотого тельца.

Это, согласитесь, немаловажное достижение, – что какой-то простой смертный, пусть даже с сияющим лицом, убил то самое сверхъестественное существо, козни которого лежали в основе всех злоключений человечества.

Это достижение представляется нам тем более немаловажным, что в Пятикнижии Моисея ничего ни о каком Сатане, ожесточившем сердце фараона, не говорится. Его авторы постоянно подчеркивают, что это Бог Израиля, единый и единственный, сам ожесточил сердце фараона. С одной стороны, он явил фараону множество знамений (слово «от» на иврите значит одновременно и «знак, знамение», и «печать»), а с другой стороны, он устроил так, чтобы на фараона все эти знамения не подействовали. «Но Господь ожесточил сердце фараона», – постоянно повторяет Тора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Филон Александрийский. О созерцательной жизни, 25.

2.

Иринеи Лионский. Против ересей, 2, 31, 1.

3.

The Gospel of Philip, 61, 25–30, NHS.

4.

Поликарп Смирненский. Послание к филиппийцам, 7.

5.

Юстин Мученик. Диалог с Трифоном иудеем, гл. 80.

6.

Иринеи Лионский. Указ. соч., 5, 32, 1.

7.

Юстин Мученик. Апология, 11.

8.

Тертуллиан. О Плоти Христовой, 5.

9.

Все цитаты из «Деяний Иоанна» даются по: Richard I. Pervo. The Acts of John, Polebridge Press, 2016.

10.
Иринеи Лионский. Указ. соч., 1,6, 2.

11.
Игнатий Антиохийский. Послание к Магнесийцам, 6.

12.
Игнатий Антиохийский. Послание к Траллийцам, 3.

13.
Иринеи Лионский. Против ересей. Предисловие, 2.

14.
Евсевий Кесарийский. Церковная история, 2, 13, 7.

15.
Ипполит Римский. Опровержение всех ересей, 7, 24.

16.
Епифаний. Панарион, 26, 1, 3.

17.
Епифаний. Панарион. 26, 4.2–5.7.

18.

Иринеи Лионский. Против ересей, 1, 25, 4.

19.

Иринеи Лионский. Против ересей. 1, 30, 15.

20.

Peter M. Head. Some Recently Published NT Papyri From Oxyrhynchus: an Overview and Preliminary Assessment, Tyndale Bulletin, 51 (2000). P. 1–16.

21.

«Евангелие от Фомы» цитируется по: The Gospel of Thomas, NHC II, 2 // Marvin W. Meyer, Elaine H. Pagels, James W. Robinson. The Nag Hammadi Scriptures, Harper Collins, 2009.

22.

Ипполит Римский. Опровержение всех ересей, 8, 8.

23.

The Gospel of Philip, 61, 25–30, NHS.

24.

The Gospel of Philip. 67, 25–26, NHS.

25.
The Gospel of Philip, 68, 15–16, NHS.

26.
The Secret Book of James, 6.19–20, NHS.

27.
Bart D. Ehrman Lost Christianities, Oxford University Press, 2003. P. 61.

28.
Elaine Pagels Revelations: Visions, Prophecy, and Politics in the Book of Revelation New York, 2012. P. 89.

29.
The Gospel of Philip, 73, 1–4, NHS.

30.
Ириней Лионский. Против ересей, 2, 31, 2.

31.
Речь идет об иудеохристианском тексте, инкорпорированном в арабский трактат Абд-аль-Джаббара, написанный в X в. н. э. и опубликованном Шломо Пинесом в 1966 г. Shlomo Pines The Jewish Christians of the Early Centuries of Christianity According to a New Source The Israel

Academy of Sciences and Humanities Proceedings. Vol. II, n. 13, Jerusalem, 1966. P. 13; см также: Q. Quispel Q. The Discussion of Judaic Christianity, *Vigilae Christianae*. Vol. 22, N2, Jun 1968. P. 86.

32.

Quispel Q., The Discussion of Judaic Christianity, *Vigilae Christianae*. Vol. 22, N2, Jun 1968. P. 86.

33.

Stephen J. Patterson. The View from Across the Euphrates, *The Harvard Theological Review*. Vol. 104, № 4 (OCTOBER2011). P. 428.

34.

Климент Александрийский. Строматы, і 9 45; v 14.96.

35.

Helmut Koester *Ancient Christian Gospels: Their History and Development*, SCM Press, 1990. P. 85.

36.

H. Montefiore. A comparison of the Parables of the Gospel According to Thomas and of the Synoptic Gospels; H. Montefiore and H. E. W. Turner *Thomas and the Evangelist Studies in Biblical Theology*, 35; 1962. P. 78.

37.

Nicholas Perrin. NHC II, 2 and the Oxyrhynchus Fragments (P. Oxy 1, 654, 655): Overlooked Evidence for a Syriac «Gospel of Thomas», *Vigiliae Christianae*. Vol. 58, № 2 (May, 2004). P. 148.

38.

Nicholas Perrin. NHC II, 2 and the Oxyrhynchus Fragments (P. Oxy 1, 654, 655): Overlooked Evidence for a Syriac «Gospel of Thomas», *Vigiliae Christianae*. Vol. 58, № 2 (May, 2004). P. 148.

39.

По поводу вопроса о том, на каком языке изначально были написаны «Деяния Фомы» и «Евангелие от Фомы», существует огромная литература. Вот только немногие важнейшие из работ: A. F. J. Klijn. *The Acts of Thomas*, Brill, 1962. P. 26; H. J. W. Drijvers *Edessa und das jüdische Christentum*. *Vigiliae Christianae*. Vol. 24, № 1 (Mar., 1970). P. 4–33; Barbara Ehlers. *Kann das Thomasevangelium aus Edessa stammen?: Ein Beitrag zur Frühgeschichte des Christentums in Edessa*, *Novum Testamentum*. Vol 12, Fasc 3 (Jul., 1970). P. 284–317; Nicholas Perrin. *Thomas and Tatian: The Relationship between the Gospel of Thomas and the Diatessaron* (*Biblica Academia* 5; Atlanta: Society of Biblical

Literature; Leiden: Brill, 2002); Gilles Quispel. The Gospel of Thomas and the New Testament *Vigiliae Christianae*, 11 (1957), 189–207; idem «L’Evangile selon Thomas et le Diatessaron», *Vigiliae Christianae*, 13 (1959), 87–117; Antoine Guillaumont *Semitismes dans les logia de Jesus retrouves en Nag-Hammadi* *Journal Asiatique* 246 (1958), 113–23; Han J. W. Drijvers *Facts and Problems in Early Syriac-Speaking Christianity Second Century 2* [1982], 173–75; Hans Quecke: ‘Sein Haus seines Konigreiches’: *Zum Thomasevangelium* 85, 9f *Le Muséon*, 76 (1963), 51–53; Kurt Rudolph *Gnosis und Gnostizismus: Ein Forschungsbericht* *Theologische Rundschau*, 34 (1969), 194.

40.

Нипполитус, *Dan. I*, 20, 2–3.

41.

Евсевий Кесарийский. *Церковная история*, 4, 26, 5.

42.

См.: A. F. J. Klijn. *The Acts of Thomas*, Leiden, Brill, 1962. P. 23; Gilles Quispel. *Makarius, das Thomasevangelium und das Lied von der Perle*, Leiden: Brill, 1967. P. 39.

43.

The Acts of Thomas, 1, 1, 6. Все отрывки из «Деяний Фомы» цитируются по изданию: Harold W. Attridge. *The Acts of*

Thomas. Early Christian Apocrypha, Polebridge Press, Salem, Oregon, 2010.

44.

The Acts of Thomas. 1, 2, 10.

45.

The Acts of Thomas. 1, 9, 3.

46.

The Acts of Thomas. 1, 11, 3.

47.

The Acts of Thomas. 1, 11, 5.

48.

The Gospel of Philip, 67, 27–30.

49.

The Gospel of Philip. 69, 14–70, 4.

50.

The Acts of Thomas, 2, 27, 8.